

Тиана Ким

Чешуя под кожей

«Литнет»

2026

Ким Т.

Чешуя под кожей / Т. Ким — «Литнет», 2026

Она стирает чужие воспоминания. Она не знает, что её собственные — ложь. Лиана Верн — «чистильщик». Она входит в чужие разумы и вырезает опасные воспоминания. Холодно. Профессионально. Без сожалений. Новое задание выглядит как обычное: опустошить разум пойманного дракона-лорда. Его память стёрли дотла. Он не помнит даже своего имени. Но когда Лиана погружается в его пустоту, она находит там нечто, что изменит всё. Обрывки чужих воспоминаний. Голос, который называет её «Гнездом». И правду: она не человек. Она — искусственный сосуд, созданный двадцать лет назад для души этого дракона. Вся её жизнь — фальшивка. Её личность — имплант. Её работа — горькая ирония. Теперь у неё есть выбор: вернуть душу хозяину и исчезнуть как личность или оставить себе и стать чудовищем, которого никто не создавал. Но третий вариант не предлагал никто. А Лиана всегда плохо слушала приказы.

© Ким Т., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ничего личного	5
Глава 2. Полый	13
Глава 3. Вход	19
Глава 4. След на коже	26
Глава 5. Бюро. Отказа не принято	34
Глава 6. Попытка забыться	40
Глава 7. Второй контакт. Отпечаток	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1. Ничего личного

Кабинет для чистки напоминал операционную, если бы хирургией занимались садисты-визионеры.

Лиана Верн стояла над каталкой, встряхивая руки, чтобы стряхнуть несуществующую грязь. Резиновые перчатки она не носила — они притупляли чувствительность. Вместо них пальцы были обнажены, ногти коротко острижены, без лака. Бюро Ментальной Гигиены не одобряло украшений на руках чистильщиков. Слишком легко зацепиться за чужую боль.

— Седьмой ранг подтверждён, — произнесла она вслух, скорее для протокола, чем для пользы дела. — Приступаю к процедуре.

Пациент на каталке не ответил. Мужчина лет сорока, некогда крепкий боевой маг, сейчас лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок. Зрачки пульсировали — то расширялись до черноты, то сужались до булавочных головок. Рот приоткрыт, на губах запеклась слюна. Его била мелкая дрожь, не телесная — ментальная. Словно внутри кто-то скрёбся когтями, пытаясь вырваться наружу.

Запретное знание. Всегда одно и то же.

Лиана не спрашивала, что именно он увидел. Не её дело. Бюро определяло опасность, чистильщик удалял источник. Простая арифметика: один безумный маг минус один запретный фрагмент равно безопасный гражданин. Равенство никогда не сходилось без остатка, но Лиана давно перестала проверять вычисления.

Она подняла правую руку, разогнула пальцы веером. На подушечках проступило слабое свечение — серое, безликое, как у всех чистильщиков. Магия памяти не имела цвета, потому что сама память не имела совести.

— Начинаю погружение.

Она опустила руку.

Не в грудь, не в голову — технически ментальный слепок находился в височной доле, но чистильщики работали иначе. Лиана коснулась пальцами правого виска пациента, нажала чуть сильнее, и кожа под её ладонью пошла рябью, стала полупрозрачной, будто вода. Кость не треснула — она растворилась, уступив место иной субстанции.

Память была вязкой.

Лиана почувствовала это сразу, как только погрузила пальцы по фаланги. Тёплая, маслянистая, с запахом озона и старой крови. Не физический запах — ментальный отпечаток. Чем травматичнее воспоминание, тем плотнее оно сопротивлялось. Этот пациент видел не просто что-то запретное. Он в этом купался.

— Сопротивление выше нормы в три раза, — пробормотала она, ни к кому не обращаясь. В углу кабинета висел артефакт-регистратор, фиксирующий каждое слово. Бюро любило подстраховываться. — Повышаю концентрацию до семидесяти процентов.

Локоть ушёл следом. Плечо. Сейчас она чувствовала чужой разум, как слепой чувствует стену — не видя, но зная каждый изгиб. Память пациента плескалась вокруг её руки, тёплая, живая, отчаянно цепляющаяся за существование.

У каждого воспоминания был вкус. Лиана не знала, нормально ли это — чувствовать вкус чужой памяти. Коллеги говорили о «текстуре», «плотности», «температуре». Никто не упоминал, что страх бывает солёным, а отчаяние — горьким, как полынь. Она решила, что это её личная странность и лучше о ней молчать. В Бюро не одобряли странности.

Запретный фрагмент нашёлся быстро — он всегда пульсировал чаще остального, как заноза в живом теле. Лиана нащупала его кончиками пальцев: шершавый, колючий, неправильной формы. Обычные воспоминания скользили гладко, поддавались, как прогретое масло. Этот царапался. Он не хотел уходить.

— Обнаружен фрагмент. Размер — два сантиметра в поперечнике. Приступаю к эксцизии.

Она вытянула ментальный скальпель из собственного резерва — чистильщики носили инструмент не в руках, а в воле. Тонкая нить серого света, острая настолько, что резала не ткань памяти, а саму возможность воспоминания. Лиана подвела лезвие к основанию фрагмента.

Пациент на каталке дёрнулся. Впервые за весь сеанс. Тело выгнулось дугой, из горла вырвался звук — не крик, не стон, а нечто среднее между всхлипом и сиреной. Ментальная связь дёрнулась, и Лиана на секунду провалилась глубже, чем планировала.

Она увидела.

Не специально. Так случалось у неопытных чистильщиков — случайное «залипание» в чужом воспоминании. Но Лиана была седьмым рангом, лучшей выпускницей Академии за последние десять лет. Она не должна была ошибаться. И всё же на долю мгновения перед глазами встала картина:

Бескрайнее небо, такое чёрное, что оно казалось твёрдым. Три луны — нет, в этом мире было две луны, откуда третья? — и дракон. Огромный, покрытый чешуёй цвета остывшей лавы, с глазами, в которых горели звёзды. Не метафора. Реально горели. И звёзды в его глазах смотрели прямо на Лиану.

Потом видение схлопнулось, выбросив её обратно в реальность, как пробку из бутылки шампанского.

Лиана моргнула. Рука всё ещё была по локоть в чужой голове. Скальпель никуда не делся. Фрагмент пульсировал под пальцами, насмехаясь.

— Неожиданная ментальная обратная связь, — сказала она ровно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Продолжаю работу.

Она отсекала фрагмент одним точным движением.

Воспоминание не закричало. Оно просто исчезло — как выключили свет в комнате, где только что кто-то был. Пациент обмяк, глаза закатились, пульсация зрачков прекратилась. Теперь он смотрел в никуда, и в этом взгляде не было ничего — ни боли, ни страха, ни удивления. Только бесконечная, абсолютная пустота.

Кататония. Стандартный побочный эффект.

Лиана вытащила руку. Кожа на пальцах покраснела — ментальный ожог от сопротивляющегося фрагмента. Ничего серьёзного, заживёт через час. Она вытерла ладонь о салфетку, которую ей подала дежурная медсестра, и отвернулась от каталки.

— Фрагмент извлечён. Пациент стабилен в кататоническом состоянии. Ожидаемая продолжительность восстановления личностных функций — от трёх до шести месяцев. — Она говорила автоматически, штампуя протокол, пока регистратор жужжал в углу. — Чистка признана успешной.

Медсестра — полная женщина с безразличным лицом — кивнула и принялась отстёгивать ремни, фиксирующие пациента. Без них он просто скатился бы с каталки. Тело без памяти не держалось за жизнь.

Лиана вышла в коридор, не оглядываясь.

Коридоры Бюро Ментальной Гигиены были покрашены в бледно-зелёный — цвет, который, по утверждению внутреннего регламента, «способствовал ментальной стабилизации сотрудников». На самом деле он просто вызывал у Лианы лёгкую тошноту. Но она работала здесь уже пять лет и давно перестала замечать цвет стен.

Бюро располагалось в подземных этажах Административного Квартала, в ста шагах от королевского дворца и в тысяче — от правосудия. Никто не задавал вопросов о том, куда исчезают неудобные воспоминания опасных магов. Король платил, Бюро работало, чистильщики чистили. Экосистема.

Лиана свернула в комнату отдыха для персонала — узкое помещение с тремя креслами, артефактом-кофеваркой и окном, которое выходило в никуда (под землёй окон не было, витраж имитировал утреннее небо). Она налила себе кофе, сделала глоток и только тогда позволила себе подумать о том, что случилось.

Видение. Дракон. Три луны.

Этого не могло быть. Она чистила память уже двести тридцать седьмой раз по счёту, и никогда — ни разу — не «залипала» в чужом воспоминании. Её ментальная защита была выстроена как крепостная стена. Так говорили преподаватели в Академии. Так писали в её личном деле. Так думала она сама.

Но сегодня стена дала трещину.

Лиана посмотрела на свою правую руку. Пальцы всё ещё слабо светились серым — остаточная магия. Она сжала их в кулак, и свечение погасло.

«Драконов не существует», — сказала она себе. Это была аксиома, первый закон современной магической зоологии. Драконы вымерли триста лет назад, во время Великого Опустошения. Их магия иссякла, их тела рассыпались в прах, их имена забылись. В мире остались только дикие драконы — так называли обезумевших магов, чей дар вышел из-под контроля. Но у них не было ни чешуи, ни крыльев, ни звёзд в глазах.

Значит, пациент бредил. Его воспоминание было ложным, порождением безумия. И она его удалила. Всё правильно.

Лиана допила кофе и поставила чашку на стол.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошёл курьер — мальчишка лет пятнадцати в форменном сером сюртуке, с конвертом в руке. Конверт был чёрный. Без адреса, без печати, только герб Бюро — раскрытая книга, из которой вырывается пламя.

— Вам, госпожа чистильщик седьмого ранга, — сказал курьер, вытянувшись по струнке. — Срочное распоряжение главы Бюро.

Лиана взяла конверт. Чёрная бумага была тёплой на ощупь — защита от чужих глаз. Вскрыть мог только адресат, остальным конверт обжигал пальцы.

Она надорвала край.

Внутри лежал лист пергамента с единственным предложением, написанным изящным, почти каллиграфическим почерком начальника Бюро Амброза Рейна:

«Лиана Верн, седьмой ранг, явиться в кабинет главы немедленно. Особое задание. Вход без стука».

Без стука. Это было странно. Глава Рейн не любил сюрпризов и требовал докладывать о каждом визите. Но фраза «особое задание» перекрывала всё. В Бюро Ментальной Гигиены «особое» означало только одно: опасность, секретность и, возможно, повышение ранга.

Лиана сунула пергамент в карман и вышла из комнаты отдыха.

Кабинет главы находился на самом нижнем, седьмом уровне — туда, куда обычные сотрудники не спускались без личного приглашения. Лифт представлял собой каменную платформу, которая опускалась под действием гравитационных рун. Воздух становился холоднее с каждым метром, и к тому моменту, когда платформа замерла, от дыхания Лианы шёл пар.

Седьмой уровень пах плесенью и забытыми вещами.

Дверь в кабинет была массивной, из чёрного дерева, без ручки. Лиана толкнула её ладонью — створки бесшумно разъехались в стороны.

Внутри оказалось просторное помещение, заставленное стеллажами с ментальными артефактами. В центре стоял стол — не письменный, а скорее алтарный, каменный, с выемками для рук. Амброз Рейн сидел за ним в кресле, которое больше походило на трон. Ему было под шестьдесят, но выглядел он на сорок — магия памяти замедляла старение тех, кто умел с ней обращаться. Густые седые волосы зачёсаны назад, пронзительные голубые глаза, узкое лицо аскета.

— Верн, — сказал он вместо приветствия. — Закрой дверь.

Она закрыла. Магнитные замки щёлкнули, отсекая внешний мир.

— Садись.

Лиана опустилась на стул напротив стола. Спинка была неудобной, наклонённой вперёд — чтобы сидящий не мог расслабиться. Рейн любил держать подчинённых в тонусе.

— Ты только что провела чистку мага Ларса, — начал он, не глядя на неё — рассматривал какой-то артефакт на столе, похожий на компас с семью стрелками. — Пациент видел нечто, связанное с диким драконом. Верно?

— Так точно. Фрагмент удалён. Пациент в кататонии.

— Я знаю. — Рейн наконец поднял взгляд. — Я смотрел запись регистратора. И заметил кое-что интересное. Ты провалилась в его память.

Это не было вопросом. Лиана не стала врать.

— Случайное залипание. Обратная связь из-за высокого сопротивления фрагмента. Я подам рапорт.

— Не надо рапорта. — Рейн отодвинул компас. — Потому что это не было случайностью. Твоя ментальная защита не дала трещину, Верн. Её пробили. Намеренно.

Тишина в кабинете стала плотной, как патока.

— Что вы имеете в виду? — спросила Лиана. Голос не дрогнул, но внутри похолодело.

— То, что ты слышишь. Фрагмент памяти, который ты удалила, не принадлежал магу Ларсу. Он был вживлён туда извне. Кем-то, кто умеет работать с памятью лучше любого чистильщика Бюро. — Рейн сложил руки на столе. — И этот фрагмент был адресован не Ларсу. Он был адресован тебе.

Лиана молчала, переваривая услышанное.

— Дракон, которого ты увидела, существует, — продолжил Рейн. — Три луны, чёрное небо, чешуя цвета остывшей лавы. Это не галлюцинация безумца. Это воспоминание о реальном событии. И тот, кто его вживил, хотел, чтобы ты его увидела.

— Зачем?

— Затем, — Рейн пристально посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на... сочувствие? — что этот дракон — твоё следующее задание.

Он протянул руку к стопке бумаг, лежащей на краю стола, и пододвинул к Лиане тонкую папку из чёрной кожи. На обложке не было имени, только номер: 00-00.

— Особое задание первого класса секретности. Только для чистильщиков седьмого ранга и выше. Ты будешь седьмой, кому его предлагают. — Рейн сделал паузу. — Первые шесть отказались.

Лиана не открывала папку. Она смотрела на начальника, ожидая продолжения.

— Объект — дикий дракон. Не метафора. Реальный дракон в человеческом обличье, последний из выживших. Три года назад его поймали военные маги, но не смогли допросить — его разум оказался слишком враждебным для стандартных методов. — Рейн говорил сухо, по-деловому, но Лиана заметила, как напряглись его пальцы. — Четыре месяца назад Верховный Трибунал принял решение о ментальной эксцизии полного объёма. Простыми словами — стереть всю память объекта дотла.

— Опустошение, — тихо сказала Лиана.

— Именно. Полное ментальное опустошение. После процедуры объект должен стать чистым листом, пригодным для перепрограммирования. — Рейн криво усмехнулся. — На случай, если ты забыла, Верн: техника опустошения запрещена Женевской Конвенцией по магическим правам уже двести лет.

— Но Бюро её практикует.

— Бюро делает то, что прикажет корона. — Рейн понизил голос. — Опустошение разрешено только для объектов класса «Хаос» — существ, чья память представляет угрозу национальной безопасности. Дикий дракон Ксавьер Обсидиановый — именно такой объект.

Лиана наконец открыла папку.

Первая страница — портрет. Мужчина, на вид лет тридцать, с резкими чертами лица, тёмными волосами до плеч и глазами, которые даже на чёрно-белом рисунке казались неестественно яркими. Взгляд — прожигающий, немигающий, хищный. Ниже подпись: «Обсидиановый Ксавьер, последний дракон Северного Кряжа. Статус: дикий. Опасность: абсолютная».

— Он не всегда был диким, — сказал Рейн, будто прочитав её мысли. — До пленения Ксавьер считался разумным драконом — одним из тех, кто сохранил рассудок после Великого Опустошения. Он даже сотрудничал с людьми. Торговал артефактами, консультировал магов. — Пауза. — А потом три года назад что-то случилось. Он сорвался, сжёг три деревни, убил сорок семь человек. Когда его взяли, он уже не говорил, только рычал. Ментальная диагностика показала полное разрушение высших когнитивных функций. Диагноз: необратимое одичание.

— И вы хотите опустошить того, у кого и так нет памяти? — спросила Лиана. — Звучит бессмысленно.

— В том и дело, что память у него есть. — Рейн подался вперёд. — Она не разрушена, Верн. Она заблокирована. Самим драконом, возможно — как защитный механизм. Глубоко внутри его разума хранится информация, которую хотят получить Трибунал и корона. Информация о том, почему он одичал. О том, что вызвало его безумие. И возможно — о том, как это предотвратить в будущем.

— Но если его опустошить, вся эта информация исчезнет.

— Её извлекут перед опустошением. — Рейн откинулся на спинку кресла. — Для этого и нужна ты. Ты не просто удалишь память, Верн. Ты сначала войдёшь в разум дракона, пробыёшься сквозь его защиту и скопируешь всё, что найдёшь. Каждый фрагмент, каждое воспоминание, каждый страх и желание. А после — сотрёшь его дотла.

Лиана перелистнула страницу. Дальше шли технические детали — параметры ментальной защиты дракона, предварительный анализ структуры его памяти, список необходимых артефактов. И на последней странице — приписка, сделанная красными чернилами:

«Внимание: предыдущие шесть чистильщиков, допущенных к объекту, вернулись в состоянии глубокой ментальной травмы. Четверо до сих пор в кататонии. Двое покончили с собой. Рекомендуемый ранг — не ниже восьмого. Текущий ранг исполнителя — седьмой. Риск — критический».

Лиана закрыла папку.

— Шесть человек, — сказала она. — И ни один не справился.

— Шесть идиотов, которые переоценили свои силы, — поправил Рейн. — Но ты — лучшая. Твой ментальный профиль уникален. Ты не просто чистишь память, Верн. Ты чувствуешь её. Ты знаешь её вкус, цвет, текстуру. Это не слабость, как ты думала. Это редчайший дар.

— Я думала, что это странность, которую лучше скрывать.

— Ты скрывала, но я знал с первого дня. — Рейн улыбнулся — холодно и невесело. — Именно поэтому ты здесь. Ты можешь увидеть то, чего не видят другие. Можешь пройти туда, куда обычные чистильщики боятся сунуться. И если кто-то и способен проникнуть в разум дракона Ксавьера — то только ты.

Лиана снова открыла папку, перечитала красную строчку. Четыре кататонии. Два суицида.

— У меня будет время подумать?

— До завтрашнего утра. — Рейн встал из-за стола. — Если согласишься — завтра в восемь ноль-ноль ты выезжаешь в Цитадель Изоляции. Если откажешься — я найду восьмого чистильщика. Но, Верн...

Он обошёл стол и остановился напротив неё. Вблизи его глаза оказались не голубыми, а почти белыми — выцветшими от десятилетий ментальной работы.

— Я надеюсь, ты согласишься. Не ради Бюро. Не ради короны. Ради того фрагмента, который ты сегодня увидела. Ты ведь хочешь узнать, почему дракон смотрел прямо на тебя?

Лиана поднялась со стула. Папка была тяжёлой — не физически, ментально. Словно сама бумага давила на сознание, пробуя на прочность.

— Я дам ответ завтра.

— Я знаю. — Рейн вернулся за стол. — И, Верн? Забери свои вещи из комнаты отдыха. Если ты согласишься, то в Цитадели тебе понадобится только одно — рабочие руки и холодная голова. Никаких личных вещей. Ты едешь не как чистильщик. Ты едешь как инструмент.

Лиана кивнула и вышла. Дверь за ней закрылась сама, магнитные замки щёлкнули, отрезая путь назад.

В коридоре было холодно и темно. Лиана прижала папку к груди — чёрная кожа казалась тёплой, почти живой.

Она вспомнила глаза дракона из видения. Как звёзды в них горели. Как они смотрели прямо на неё — сквозь время, сквозь пространство, сквозь чужую память, вживлённую безумцу неизвестным мастером.

Почему ты смотрел на меня?

У неё не было ответа. Но завтра, если она согласится, у неё появится шанс спросить лично.

Лиана Верн, чистильщик седьмого ранга, лучшая выпускница Академии за последние десять лет, поднялась на лифте на первый этаж, прошла через комнату отдыха, забрала свою кружку (простую, белую, без надписей) и вышла на поверхность.

Там был обычный вечер. Обычные люди шли по своим обычным делам, не зная, что под их ногами, в подземельях Бюро, лежит дракон. Не зная, что завтра к нему спустится женщина с серыми пальцами, чтобы вырезать его душу.

Лиана посмотрела на небо. Две луны висели низко — бледная и золотистая, как всегда. Третьей не было.

Но где-то в глубине памяти, в фрагменте, который она сегодня удалила, третья луна всё ещё горела.

Она сжала папку крепче и пошла домой. Думать. Решать. Готовиться к тому, что, возможно, станет её последним заданием.

А может — первым днём настоящей жизни.

Глава 2. Полый

На следующее утро Лиана Верн стояла перед дверью, за которой, по слухам, находилась самая охраняемая тюрьма континента.

Цитадель Изоляции не была тюрьмой в привычном смысле. У неё не было решёток, надзирателей с ключами и камер с железными койками. Вместо этого — коридор из белого камня, который пульсировал едва уловимым свечением, и воздух, который пах озоном и страхом. Магические контуры на стенах работали без остановки, подавляя любую попытку использовать дар. Даже чистильщики, спускаясь сюда, чувствовали, как их собственная магия сжимается, сворачивается, прячется.

— Дальше только по пропуску первого уровня, — сказал сопровождающий — офицер Королевской Стражи с лицом, которое видело слишком много и перестало удивляться. — Ваше имя внесено в список. Наручные кандалы не требуются, но ментальный маяк мы установим.

Лиана молча протянула руку. Офицер прикоснулся к её запястью амулетом — холодный металл, короткий укол, и на коже проступила крошечная синяя точка. Маяк. Если она попытается использовать магию не по назначению или покинет разрешённую зону, точка начнёт жечь. Если проигнорирует — взорвётся вместе с веной.

Стандартная процедура для тех, кто приближается к объектам класса «Хаос».

— Следуйте за мной.

Они пошли по коридору. Чем глубже, тем белее становились стены — до стерильности, до боли в глазах. Лиана заметила, что на полу нет пыли. Вообще никакой. Ни соринки, ни волоска. Цитадель дышала чистотой, которая казалась почти живой — хищной, вылизывающей каждый сантиметр пространства.

— Объект находится на нулевом уровне, — говорил офицер, не оборачиваясь. — Изоляция полная. Никакого физического контакта с внешним миром. Питание — через артериальный катетер. Естественные отправления — через систему трубок. С объектом не разговаривать, не смотреть в глаза дольше трёх секунд, не реагировать на любые звуки, которые он может издавать.

— Он издает звуки?

— Иногда. — Офицер чуть замедлил шаг. — Не слова. Рычание. Как у раненого зверя. Но вы не должны на это реагировать. Любая эмоциональная обратная связь может быть использована объектом для... — он запнулся, подбирая слово, — для контакта. Даже в пустом разуме остаются рефлексы. Охотничьи.

Лиана ничего не сказала. Она шла и думала о том, что сейчас увидит. Опустошённый разум. Полностью стёртая личность. В теории это означало пустоту — чистый лист, как сказал Рейн. На практике чистильщики знали, что пустота не бывает абсолютной. Всегда остаются осколки. Обрывки чувств. Тени привычек.

Офицер остановился перед последней дверью. Она была не из камня, а из стекла — чёрного, непрозрачного, с вкраплениями рун, которые переливались алым.

— За этой дверью — объект. — Голос офицера стал тише. — Вы войдёте одна. Я буду наблюдать через ментальный канал и в случае чего — отзову вас. Но, надеюсь, до этого не дойдёт.

— В каком смысле «отзовёте»?

— Магический якорь. — Офицер показал на браслет у себя на руке. — Рвёт связь чистильщика с разумом объекта принудительно. Болезненно для обеих сторон, но живы останетесь. Шестеро ваших предшественников пользовались им четырежды. Двое не успели.

Лиана кивнула. Страх был — липкий, холодный, где-то под рёбрами. Она не стала его гнать. Страх помогал чистильщику не совершать глупостей.

— Открывайте.

Офицер коснулся двери ладонью. Чёрное стекло пошло рябью, руны вспыхнули ярче, и створки бесшумно разъехались в стороны.

Клетка.

Иного слова не было. Помещение за дверью оказалось кубом со стороной примерно пять метров. Стены — тот же белый камень, но с прожилками металла. Пол — гладкий, почти зеркальный. Потолок — низкий, нависающий, с вмонтированными артефактами подавления. В центре куба — кресло. Не каменное, не металлическое. Биологическое. Серая, пульсирующая масса, которая облепляла тело человека, сидящего в нём, как вторая кожа.

Человек.

Мужчина.

Он был привязан — нет, не привязан, врос в кресло. Катетеры входили в шею, запястья, бедра. Трубки тянулись к стене, исчезая в герметичных портах. Глаза — открытые, но пустые. Рот — приоткрыт, но не дышит — дыхание шло через трубку в горле. Кожа — бледная до синевы, с сеткой тонких шрамов. Волосы — тёмные, длинные, спутанные, падают на лицо.

Лиана узнала его по портрету из папки. Ксавьер Обсидиановый.

Но портрет врал. На рисунке он был живым — опасным, хищным, с прожигающим взглядом. Здесь — кукла. Биомасса, поддерживаемая в рабочем состоянии артефактами. Никакой опасности. Никакой жизни.

— Подойдите ближе, — сказал офицер из-за спины. — Но не касайтесь. И не смотрите в глаза дольше трёх секунд.

Лиана сделала шаг вперёд. Пол под ногами был тёплым — система жизнеобеспечения грела помещение ровно настолько, чтобы тело объекта не остыло. В кубе пахло антисептиком

и чем-то сладковатым — разлагающейся плотью, которой артефакты не давали разложиться до конца.

Она остановилась в двух метрах от кресла.

Ксавьер не пошевелился. Даже не моргнул. Глаза смотрели в потолок — широко открытые, сухие, с неподвижными зрачками. Так смотрят трупы, у которых забыли закрыть веки.

Но Лиана знала, что он не труп. Маяк на её запястье пульсировал в такт чужому сердцебиению — Цитадель транслировала жизненные показатели объекта на браслеты охраны. Сердце билось. Мозг посылал сигналы. Кровь текла по венам.

Просто внутри никого не было.

— Когда его опустошили? — спросила Лиана, не оборачиваясь.

— Два года назад, — ответил офицер. — Приговор Верховного Трибунала за массовые убийства. Сорок семь жертв. Опустошение считалось более гуманным, чем казнь. — Пауза. — Теперь Империя хочет его использовать. Поэтому вы здесь.

Лиана сделала ещё шаг. Теперь она стояла в полуметре от кресла. Могла разглядеть каждую морщинку на лице Ксавьера, каждую трещинку на сухих губах, каждый шрам на шее — старые, белые, явно полученные задолго до пленения.

Она посмотрела в его глаза.

Пустота. Не удивление, не боль, не гнев. Абсолютная, бесконечная пустота. Как в комнате, из которой вынесли всю мебель, содрали обои, выломали пол и оставили только голые стены. Но даже у голых стен есть цвет. У этого взгляда не было ничего.

Три секунды, — напомнила себе Лиана и отвела глаза.

И в этот момент Ксавьер моргнул.

Один раз. Медленно, тяжело, как человек, который просыпается после долгого сна. Веки опустились, поднялись — и теперь взгляд был направлен не в потолок. Взгляд был направлен на Лиану.

— Он... — начала она.

— Не двигайтесь, — резко сказал офицер. — Это рефлекс. Объект не видит вас, не осознаёт. Просто зрачки реагируют на движение. Стандартная реакция пустого разума на внешний стимул.

Но Лиана знала, что это неправда.

Она была чистильщиком. Она видела десятки опустошённых пациентов после своих процедур — они никогда не моргали. Никогда не фокусировали взгляд. Кататония была абсолютной. Тело жило, но сознание умирало, и глаза становились стеклянными шарами без хозяина.

Ксавьер смотрел на неё. Именно на неё. В этом не было сомнений.

— Я хочу остаться с ним наедине, — сказала Лиана.

— Это нарушение протокола.

— Я знаю. — Она повернулась к офицеру. — Но если я буду чувствовать ваш взгляд и ваш страх, это помешает погружению. Вы сказали, что у меня есть якорь. Я успею дёрнуть, если что-то пойдёт не так.

Офицер колебался. Его рука лежала на браслете с якорем, пальцы нервно постукивали по металлу. За дверью, в коридоре, ждали ещё двое стражников — Лиана слышала их дыхание.

— Пять минут, — сказал он наконец. — Я буду за дверью. Если услышу крик — вхожу.

— Договорились.

Офицер вышел. Дверь из чёрного стекла закрылась, руны вспыхнули алым — и Лиана осталась одна в кубе с пустым драконом.

Тишина стала другой. Раньше она была технической — шум вентиляции, гул артефактов, далёкие шаги. Теперь тишина стала плотной, почти осязаемой. Она давила на уши, на виски, на грудь. Лиана сделала глубокий вдох и присела на корточки перед креслом — так, чтобы её глаза оказались на одном уровне с глазами Ксавьера.

— Ты меня слышишь? — спросила она тихо.

Никакой реакции. Зрачки оставались неподвижными, взгляд — направленным на неё, но не фокусированным.

— Меня зовут Лиана. Я чистильщик. Мне поручили войти в твой разум и посеять туда новые установки. — Она говорила медленно, спокойно, как с пациентом после тяжёлой операции. — Ты понимаешь, что это значит? Тебя хотят перепрограммировать. Сделать оружием. Или инструментом. Или игрушкой. Не знаю, что именно. Но для этого нужно, чтобы твой разум был не пустым. В пустоту нечего сеять.

Ксавьер моргнул снова. На этот раз быстрее. И Лиана заметила то, чего не заметила в первый раз — в глубине зрачка мелькнула искра. Не отражение света. Света в кубе было ровно столько, чтобы видеть лица. Искра была другой — золотистой, горячей, живой.

Он там, — поняла Лиана. — Он не пустой. Он просто очень глубоко спрятался.

Она выпрямилась и отошла на шаг. Рука сама потянулась к папке, которую она держала под мышкой — техническая документация, результаты предыдущих попыток, психологические портреты шестерых чистильщиков, которые пытались и не смогли.

Лиана открыла папку на разделе «Наблюдения». Там было семь страниц, заполненных мелким почерком — показания первых чистильщиков, записанные до того, как их сознание рухнуло.

«Я вошёл в его разум и увидел комнату. Пустую. Белые стены, белый пол, белый потолок. Ни дверей, ни окон. Я позвал — никто не ответил. Я пошёл вперёд и понял, что стены движутся. Они сжимались. Я выбрался за секунду до того, как меня расплющило». — Чистильщик четвёртого ранга, мужчина, 34 года. Кататония.

«Его разум — как колодец. Тёмный, глубокий, с водой на дне. Я полез вниз, чтобы достать воду, но вода оказалась не водой. Она была горячей. Она обожгла меня. Я кричал, но никто не слышал. Якорь сработал на четвёртой секунде, но ожог остался. Теперь я боюсь темноты. Раньше не боялся». — Чистильщик пятого ранга, женщина, 29 лет. Тяжёлая ментальная травма, завершившаяся суицидом через три месяца.

«Там нет ничего. Я серьёзно. Я перерыл каждый угол, каждый сантиметр. Пусто. Но пустота была неправильной — она дышала. Она ждала. Я почувствовал, что если останусь ещё на минуту, пустота войдёт в меня и заполнит изнутри. Я дёрнул якорь. С тех пор у меня бессонница. Каждую ночь я вижу во сне эту пустоту. Она стала ближе». — Чистильщик шестого ранга, мужчина, 41 год. Кататония.

Лиана закрыла папку.

Шестеро. Четверо в кататонии. Двое мертвы. И каждый описывал одно и то же — пустоту, которая не была пустотой. Которая ждала. Которая хотела войти внутрь.

Она посмотрела на Ксавьера. Он не двигался. Не моргал. Только смотрел на неё — пустыми, ничего не выражающими глазами.

— Знаешь, — сказала Лиана, обращаясь скорее к себе, чем к нему, — я тоже иногда чувствую себя пустой. Не после чистки — после чистки я чувствую усталость. Пустота приходит сама. По ночам. Я просыпаюсь и не понимаю, кто я. Не помню своего детства. Не помню родителей. В моём личном деле написано, что я сирота, найденная на пороге приюта в младенчестве. Но я не помню даже приюта. Самые ранние воспоминания начинаются с Академии. Мне было пятнадцать, когда я очнулась в общежитии с книгой по ментальной магии в руках. Будто кто-то нажал кнопку «включить».

Она замолчала. Зачем она это говорила? Пустому дракону, который не мог ответить? Может, потому что он единственный, кто не осудит. Единственный, кто тоже знает, что такое быть пустым изнутри.

— Бюро говорит, что это норма. Что память о раннем детстве часто стирается у сирот — защитный механизм психики. Но я не верю. Я знаю, что со мной что-то не так. Просто не могу понять, что именно.

Ксавьер не ответил. Но Лиане показалось, что веки его дрогнули чуть сильнее, чем от рефлекса.

В дверь постучали. Три коротких удара — сигнал, что пять минут истекли.

Лиана поднялась, взяла папку и направилась к выходу. У самой двери она обернулась.

— Я согласилась на это задание, — сказала она. — Не потому, что мне приказали. Не потому, что боюсь отказаться. А потому что хочу узнать правду. О себе. О том, почему дракон из видения смотрел на меня. И о том, почему ты смотришь на меня сейчас, хотя по протоколу не должен ничего видеть.

Она помолчала.

— Я вернусь завтра. С полным снаряжением. И я войду в твой разум. Ты слышишь меня, Ксавьер? Я войду. Даже если ты попытаешься меня раздавить или сжечь. Потому что мне терять нечего. Я и так пустая. Хуже уже не будет.

Ксавьер моргнул.

Один раз. Медленно. И в этом моргании Лиане почудилось что-то похожее на согласие.

Она вышла из куба, и дверь из чёрного стекла закрылась за ней с тихим шипением.

— Ну как? — спросил офицер, отступая на шаг — будто боялся, что она сейчас рассыплется в кататонии, как предыдущие шесть.

— Ничего особенного, — ответила Лиана. — Пустой контейнер. Я войду в него завтра и посею то, что нужно Империи.

— Вы уверены, что справитесь?

Она посмотрела на офицера. На его браслет с якорем. На синюю точку у себя на запястье. На белые стены Цитадели, которые дышали чистотой и ждали её ошибки.

— Нет, — сказала она честно. — Но я попробую.

Она пошла по коридору обратно к лифту. Маяк на запястье пульсировал в такт её шагам — синхронно с сердцем, которое билось где-то глубоко под землёй, в груди дракона, который не должен был быть живым.

Но был.

И смотрел.

Глава 3. Вход

На следующий день Лиана Верн вошла в куб с драконом одна.

Офицер остался за дверью, стражники — в коридоре. Якорь на браслете офицера был активирован, маяк на запястье Лианы горел ровным синим светом. Если что-то пойдёт не так, они выдернут её за долю секунды. Если успеют.

Она не планировала давать им такой шанс.

Подготовка заняла три часа. Специальный костюм из ментал-проводящей ткани — тонкий, как вторая кожа, с рунами на спине, которые должны были стабилизировать её сознание во время погружения. Артефакт-накопитель на шее — маленький серебряный кулон с каплей её собственной крови внутри. Он будет тянуть её обратно в тело, если она заблудится в чужом разуме. Ментальный скальпель — не тот, что она использовала на обычных пациентах, а усиленный, заряженный энергией трёх чистильщиков высших рангов.

И главное — полная чаша терпения, которую Лиана выпила до дна за завтраком. Ментальная защита дракона была пробойной. Шестеро предыдущих чистильщиков не смогли её пробить. Лиана собиралась не пробивать. Она собиралась просочиться.

— Начинаю погружение, — сказала она вслух для регистратора, который установили в углу куба. — Объект: Ксавьер Обсидиановый, статус «Хаос», полное ментальное опустошение. Цель: проникновение в глубинные слои разума, поиск остаточных фрагментов памяти, подготовка к последующему перепрограммированию.

Она подошла к креслу, в котором сидел Ксавьер. Он не изменился со вчерашнего дня — та же бледная кожа, те же пустые глаза, те же трубки и катетеры. Но Лиана знала, что внутри, в глубине, он смотрит. Ждёт.

Она подняла правую руку. Пальцы засветились серым — ярче, чем обычно, потому что сегодня она не сэкономила резерв. Магия чистильщика текла по венам горячей, почти болезненной струёй.

— Погружение через височную область, стандартный доступ, — пробормотала она, касаясь пальцами правого виска Ксавьера. — Глубина — максимальная. Контрольная точка — мой кулон.

Кожа под её ладонью пошла рябью. Кость растворилась. Память — или то, что от неё осталось — потекла навстречу, обволакивая пальцы вязкой, холодной субстанцией.

И Лиана провалилась внутрь.

Первое, что она почувствовала — отсутствие гравитации.

Не то чтобы она парила — скорее, перестала понимать, где верх, а где низ. Тело исчезло. Осталось только сознание — маленькая искра серого света в бесконечной темноте.

Лиана моргнула. Здесь, в ментальном пространстве, у неё не было глаз, но она всё равно «видела» — ощущала окружающее через магию, как слепой ощущает стену. Только стены не было.

Была пустота.

Как и описывали предыдущие чистильщики. Абсолютная, бесконечная, всепроникающая пустота. Ни звука, ни цвета, ни запаха. Даже времени не было — только бесконечное «сейчас», которое тянулось и тянулось, не имея конца.

Но Лиана знала, что это обманка. Поверхностный слой. То, что дракон позволял видеть чужакам. То, что превратило шестерых чистильщиков в кататоников — потому что они поверили, что пустота реальна, и остались в ней слишком надолго.

— Ты не пустой, — сказала Лиана вслух. Голос в ментальном пространстве звучал странно — как будто она говорила под водой. — Я знаю. И я найду тебя.

Она двинулась вперёд.

«Вперёд» было условностью — без ориентиров любое направление было одинаковым. Но Лиана чувствовала едва уловимое течение, тянущее её куда-то вглубь. Как слабый ветер, который дует всегда из одной точки. Она пошла против ветра.

Пустота сопротивлялась. С каждой секундой становилось труднее двигаться — будто она шла через патоку, которая густела с каждым шагом. Серый свет её сознания мерцал, грозя погаснуть. Кулон на шее (здесь, в ментальном пространстве, он тоже был — материализовался вместе с её образом) нагрелся, напоминая, что тело ждёт.

— Не дождёшься, — прошептала Лиана и шагнула ещё раз.

И мир перевернулся.

Пустота треснула.

Как яйцо, по которому ударили ложкой — сначала тонкая паутина трещин, потом резкий хруст, и осколки осыпаются вниз, открывая то, что было внутри.

Лиана стояла на серой равнине.

Небо было серым. Земля — серой. Горизонт отсутствовал — равнина уходила в бесконечность во все стороны, сливаясь с небом в единой однородной дымке. Ни деревьев, ни камней, ни травы. Только идеально ровная поверхность, которая простиралась до тех пределов, где понятие «предел» теряло смысл.

Это не было пустотой. Это было ожиданием.

Лиана сделала шаг. Поверхность под ногами оказалась упругой — как застывшая смола, которая чуть прогибается под весом, но не ломается. Её шаги не издавали звука. Ветер не дул. Воздух (если это можно было назвать воздухом) пах озоном и чем-то ещё — знакомым, но неуловимым.

Она огляделась.

Вдалеке, на границе видимости, мерцали огни. Не звезды — слишком низко, слишком близко к земле. Маленькие, размером с ноготь, разноцветные искры, которые вспыхивали и гасли в случайном ритме. Некоторые горели ровно, другие пульсировали, третьи металась из стороны в сторону, как испуганные светлячки.

Фантомные отпечатки.

Лиана знала о них из учебников. Когда память стирают грубо, неаккуратно, некоторые фрагменты не исчезают полностью — они распадаются на мельчайшие частицы, которые продолжают существовать на грани сознания, не являясь полноценными воспоминаниями. Большинство чистильщиков их игнорируют. Слишком хрупкие, слишком нестабильные. Одно неосторожное прикосновение — и они рассыпаются в прах.

Но Лиана была не «большинством чистильщиков».

Она направилась к ближайшему огоньку — ровному, золотистому, без пульсации. Шла долго. Расстояние в ментальном пространстве не имело смысла — можно было пройти милю за секунду или час топтаться на месте. Она просто шла, и огонёк приближался.

Когда до него оставался один шаг, Лиана остановилась.

Фантомный отпечаток висел в воздухе на высоте её груди — маленький сгусток золотого света, внутри которого что-то двигалось. Тени. Силуэты. Лица.

Она протянула руку.

— Если ты разрушишься, я ничего не узнаю, — сказала она отпечатку, будто он мог слышать. — Но если я не коснусь тебя, то не узнаю тем более. Так что извини.

Пальцы вошли в золотое свечение.

Мир дёрнулся, размылся и сложился заново.

Лиана стояла в зале. Не в том кубе из белого камня, не в коридорах Цитадели — в настоящем зале, с высокими сводчатыми потолками, колоннами из чёрного обсидиана и полом, выложенным мозаикой, которая изображала дракона, пожирающего солнце.

В конце зала, на возвышении, стоял трон — массивный, вырезанный из цельного куска гранита, с подлокотниками в виде драконьих крыльев. На троне кто-то сидел. Лиана не могла

разглядеть лица — свет падал со стороны трона, оставляя фигуру в тени. Но она чувствовала тяжесть власти, исходящую от этого силуэта. Давление на плечи. Жар в груди.

Перед троном стоял мужчина.

Высокий, широкоплечий, в тёмном плаще, из-под которого виднелась чешуйчатая броня. Волосы — длинные, тёмные, собраны в низкий хвост. Лицо — резкое, с высокими скулами и упрямым подбородком. Глаза — даже в полумраке зала они горели золотом.

Ксавьер.

Но не тот Ксавьер, что в кресле. Этот был живым. Опасным. Его голос, когда он заговорил, звучал твёрдо и холодно:

— Гнездо готово.

Лиана вздрогнула. Не от слов — от того, как они прозвучали. Голос дракона был низким, с едва уловимым резонансом, будто говорили не только голосовые связки, но и что-то ещё — магия, сила, древность.

Человек на троне ответил. Лиана не расслышала слов — звук был искажён, как при плохой связи. Только обрывки: «...слишком рискованно...», «...Империя не должна...», «...если узнают...».

Ксавьер кивнул.

— Она будет идеальна, — сказал он. — Я вложил в неё всё. Каждый фрагмент памяти, каждую эмоцию, каждую привычку. Когда она проснётся, она не будет знать, что она — не человек. Она будет думать, что жила всегда. Что у неё было детство. Что она сирота. — Пауза. — Она будет верить в это так же сильно, как верит в своё дыхание.

Лиана замерла.

Она.

Он говорит о ней.

Человек на троне снова что-то сказал — на этот раз дольше, с явным недовольством. Ксавьер слушал, не перебивая. Когда голос умолк, дракон усмехнулся — холодно, без тени веселья.

— Вы боитесь, что она восстанет? Что Гнездо обретёт собственную волю и использует мою душу против меня? — Он покачал головой. — Невозможно. Гнездо — это сосуд. Контейнер. В нём нет ничего своего. Ни души, ни воли, ни желаний. Только то, что я в него поместил. Она будет идеальным инструментом. А когда придёт время, я заберу своё, и она исчезнет. Как утренний туман.

Трон качнулся — нет, не трон, всё закачалось. Стены поплыли, пол треснул, золотой свет фантомного отпечатка вспыхнул в последний раз и погас.

Лиана вылетела из воспоминания, как пробка из бутылки.

Она стояла на серой равнине, тяжело дыша. Кулон на шее раскалился — тело сигналило, что пора возвращаться. Лиана проигнорировала.

Гнездо.

Сосуд.

Ничего своего.

Она знала, что с ней что-то не так. Чувствовала это годами — пустоту внутри, отсутствие ранних воспоминаний, странную лёгкость, с которой она осваивала ментальную магию, будто кто-то уже вложил эти знания в её голову до того, как она «очнулась» в Академии.

Но знать и увидеть — разные вещи.

Она не была сиротой. У неё не было родителей. У неё вообще не было ничего, кроме того, что в неё вложил дракон, который теперь сидел в кресле с пустыми глазами.

Она была Гнездом.

Контейнером для души, которую он планировал когда-нибудь забрать.

Лиана опустилась на колени. Серая поверхность равнины была тёплой — как живая. Она провела по ней ладонью и почувствовала слабую пульсацию. Не свою. Не Ксавьера. Третью, глубинную, которая шла из-под равнины, из самых недр этого странного мира.

Это его душа, — поняла Лиана. — Она здесь. Где-то глубоко. Он спрятал её так далеко, что даже опустошение не достало.

Она поднялась. Ноги дрожали, но она заставила себя стоять прямо. Вдалеке мерцали другие фантомные отпечатки — десятки, сотни, тысячи. Каждый — осколок того, кем был Ксавьер до того, как его опустошили. Каждый — кусочек правды, которая могла уничтожить Лиану или сделать её свободной.

Она сделала шаг к следующему отпечатку.

И мир взорвался.

Реальность ворвалась в сознание резко, как удар.

Лиана открыла глаза и поняла, что лежит на полу куба. Не помнила, как упала. Не помнила, как вышла из погружения. Кулон на шее был холодным — тело вернулось давно, минуту, две, может, десять.

— Госпожа чистильщик! — голос офицера из-за двери, искажённый артефактами подавления. — Вы в порядке? Ваш маяк начал мигать!

Она хотела ответить, что в порядке, но не смогла.

Потому что кто-то сжал её запястье.

Лиана опустила взгляд.

Рука Ксавьера — бледная, худая, в сетке шрамов и следах от катетеров — обхватила её правую руку чуть выше кисти. Хватка была слабой — пальцы почти не сгибались, мышцы атрофировались за два года неподвижности. Но она была.

Он её держал.

Лиана подняла глаза. Ксавьер сидел в кресле — всё так же привязанный, вросший в биомассу, с трубками в шее и запястьях. Его тело не двигалось. Но глаза...

Глаза смотрели на неё.

Не пустые. Не стеклянные. Живые. Горящие золотом изнутри — тем самым золотом, которое она видела в фантомном отпечатке. Тем самым, которое принадлежало дракону, стоявшему перед тронем и говорившему о Гнезде.

Его губы шевельнулись.

Лиана наклонилась ближе, почти коснувшись ухом его губ. От него пахло антисептиком и чем-то сладковатым — тем же запахом, что и в кубе. Но сквозь него пробивался другой запах. Дым. Пепел. Гроза.

— Ты, — прошептал Ксавьер.

Голос был хриплым, срывающимся — голосовые связки отвыкли говорить за два года. Но слова были чёткими. Осознанными.

— Моя.

Лиана отёрнула руку. Хватка ослабла — пальцы дракона разжались сами, будто у них не было сил держать дольше. Но отпечаток остался. На запястье — синяк в форме пяти пальцев.

Она отползла назад, вжимаясь спиной в стену куба. Сердце колотилось где-то в горле. Маяк на запястье мигал красным — офицер уже должен был войти, но дверь почему-то не открывалась.

— Ты меня слышишь? — спросила Лиана, глядя на Ксавьера.

Он не ответил. Глаза снова стали пустыми — золото погасло, зрачки расширились, взгляд ушёл в никуда. Рука безвольно лежала на подлокотнике кресла. Казалось, ничего не случилось. Казалось, ей всё привиделось.

Но синяк на запястье был настоящим.

Дверь наконец открылась. Офицер вбежал в куб с обнажённым мечом, за ним — двое стражников с подавляющими амулетами наготове.

— Что случилось?! — крикнул офицер. — Объект двигался?

— Он... — Лиана запнулась. Что сказать? Что дракон, который два года не подавал признаков жизни, вдруг схватил её за руку и назвал своей? Это звучало как бред. — У него случился мышечный спазм. Рефлекторное сокращение. Зафиксируйте в протоколе.

Офицер посмотрел на неё недоверчиво, но кивнул. Он подошёл к креслу, проверил крепления, трубы, катетеры. Ксавьер не реагировал.

— Всё в порядке, — сказал офицер, хотя было понятно, что он не верит ни в какой «спазм». — Но на сегодня процедуру пора заканчивать. Вы выглядите... неважно.

Лиана поднялась на ноги. Колени дрожали, но она устояла. Она посмотрела на Ксавьера в последний раз перед тем, как выйти из куба.

Он сидел неподвижно. Пустой. Безопасный.

Но Лиана знала правду.

Он слышал её. Видел её. Ждал её.

И в его пустом разуме, глубоко-глубоко, под слоями серой равнины и россыпями фантомных отпечатков, лежала её душа. Та, которую он в неё вложил. Та, которая делала её Лианой, а не просто Гнездом.

Вопрос был только в том, кто заберёт её первым.

Глава 4. След на коже

Лиана открыла глаза и поняла, что лежит на собственном диване.

Это было неправильно. Последнее, что она помнила — стены куба, белый камень, офицера с браслетом-якорем и дверь из чёрного стекла, которая закрылась за её спиной. Дальше — провал. Ни дороги домой, ни лестницы, ни ключа в замке. Просто тьма, а потом — потолок её гостиной с трещиной в левом углу, которую она всё собиралась заштукатурить, но никак не находила времени.

Сколько сейчас? Лиана повернула голову к окну. За шторой было темно — не ночь, скорее раннее утро или поздний вечер. Она не знала. Часы на стене показывали половину шестого, но они сломались три месяца назад, а новые она так и не купила. Артефактный будильник на тумбочке молчал — значит, время ещё не пришло.

Она попыталась сесть и замерла.

Правая рука горела.

Не болела — горела. Как будто кто-то приложил к запястью раскалённое железо, а потом убрал, но ожог остался. Жар поднимался от кисти к локтю, от локтя к плечу, растекаясь по телу горячей волной.

Лиана посмотрела на запястье.

Ничего. Чистая кожа, бледная, с голубоватыми прожилками вен. Ни покраснения, ни волдыря, ни синяка — ничего. Только там, где вчера (сегодня? час назад?) её схватил Ксавьер, осталась едва заметная белая полоска — как след от слишком тугого браслета. Но не синяк. Не отметина.

Она провела пальцами другой руки по этому месту. Кожа была гладкой, холодной — как у мёртвой. И в то же время под ней, глубоко внутри, пульсировал жар. Чужой жар.

Ты. Моя.

Голос Ксавьера прозвучал в голове так отчётливо, будто он стоял рядом. Лиана вздрогнула и машинально оглядела комнату. Никого. Только диван, продавленный на одном боку, старый ковёр, который она купила у антиквара за бесценок, и стопка книг по ментальной магии на журнальном столике.

Обычная квартира. Обычная жизнь. Всё на своих местах.

Кроме неё самой.

Лиана встала. Ноги держали плохо — колени подгибались, как у новорождённого жеребёнка. Она сделала три шага до стены, опёрлась ладонью о холодный камень и замерла, пытаясь отдышаться.

Что с ней происходит?

Она чистильщик седьмого ранга. Она входила в десятки разумов — безумных, сломленных, сопротивляющихся. Она видела такое, от чего нормальный человек сошёл бы с ума. Но никогда — никогда — контакт с пациентом не оставлял следа на её теле. Ментальные ожоги — да, были. Но они лечились сном и восстановительными эликсирами. Физические — нет. Физических не бывает.

Ксавьер коснулся её. В реальном мире. Его рука, которая два года не двигалась, сжала её запястье. Это случилось. Она не придумала.

Или придумала?

Лиана закрыла глаза и попыталась восстановить хронологию. Погружение. Серое поле. Фантомный отпечаток — золотой, горячий, с видением тронного зала. Потом — возвращение. Удар. Она на полу. И рука Ксавьера на её запястье.

А потом? Потом офицер вошёл в куб, она сказала что-то про «мышечный спазм», и они вышли. Дальше — коридор. Лифт. Выход из Цитадели. Улица. Вечерний воздух. Она села в экипаж, назвала адрес...

Нет. Этого не было. Она не помнила экипаж. Не помнила, как открывала дверь квартиры. Не помнила, как разулась и легла на диван. Эти часы — или минуты? — выпали из её памяти, как вырезанные ментальным скальпелем.

Ты вырезала их сама, — подумала Лиана с внезапной холодной ясностью. — Ты не помнишь дорогу домой, потому что твой разум заблокировал эти воспоминания. Защитная реакция. Что-то случилось по пути. Что-то, что ты не хочешь помнить.

Она открыла глаза и посмотрела на свою правую руку. Белая полоска на запястье стала чуть шире. Или ей показалось?

— Хватит, — сказала Лиана вслух. Голос прозвучал глухо, будто из соседней комнаты. — Ты устала. Ты переработала. Ты входила в разум объекта класса «Хаос» без должной подготовки. Побочные эффекты — галлюцинации, провалы в памяти, тактильные фантомы. Всё это описано в учебниках.

Она выпрямилась, оторвала руку от стены и заставила себя дойти до кухни.

Кухня была маленькой, как и всё в этой съёмной квартире — Лиана не любила тратить деньги на жильё, предпочитая копить на случай «если что». Плитка на стенах облупилась в двух местах, кран подтекал, и из крана пахло ржавчиной. Но чайник был горячим — кто-то его включил. Она? Когда?

Она налила себе кружку холодной воды из кувшина в холодильнике. Холодильник работал — значит, электричество не отключали. Вода была ледяной, обожгла горло. Лиана выпила залпом, поставила кружку на стол и посмотрела в окно.

За окном был обычный вечер (или утро? она всё ещё не понимала). Фонари горели жёлтым, по улице шли люди — редкие, торопливые, сгорбленные под холодным ветром. Две луны висели низко — одна бледная, другая золотистая. Третьей не было.

Но Лиана знала, что третья луна существует. Она видела её в видении. Чёрное небо, три луны, дракон с глазами-звёздами.

Она закрыла глаза и сразу же провалилась в серое поле.

Оно было там. Ждало.

Та же бесконечная равнина, то же серое небо без горизонта. Ни ветра, ни звука, ни запаха. Только ровная, упругая поверхность под ногами и тишина, которая давила на уши сильнее любого крика.

Лиана стояла на том же месте, где была во время погружения? Или её перенесло куда-то глубже? Она не знала. Здесь не было ориентиров.

— Это сон, — сказала она вслух. Голос звучал так же, как в реальности — никакой подводной мути, никакого эха. — Это просто сон. Я сплю на диване, и мне снится серое поле. Я проснусь через минуту.

Но она не просыпалась.

Она сделала шаг. Потом другой. Поверхность под ногами прогибалась ровно настолько, чтобы напоминать о себе, но не мешать идти. Лиана шла и смотрела вперёд, туда, где на границе видимости мерцали огоньки фантомных отпечатков. Их стало больше. В прошлый раз она насчитала несколько десятков. Теперь — сотни. Может, тысячи. Они роились на горизонте, как светлячки в летнюю ночь, и каждый пульсировал в своём ритме.

Она не хотела к ним подходить. Не хотела снова увидеть то, что увидела в прошлый раз — тронный зал, Ксавьера, слова о Гнезде. Не хотела знать, что она — не человек, а контейнер. Сосуд. Пустая оболочка, которую наполнили чужой душой.

Но ноги несли её вперёд. Сами. Без её согласия.

— Стой, — сказала Лиана, но ноги не послушались. — Я сказала — стой!

Она остановилась, только когда упёрлась ладонями в невидимую стену. Стена была тёплой, пульсирующей — как живая. И сквозь неё, откуда-то из-под серой равнины, шёл голос.

Ты. Моя.

Не громко. Почти шёпотом. Но этот шёпот разрывал тишину, как нож — шёлк. Лиана прижала ладони к ушам, но голос звучал не снаружи. Он звучал внутри. В самой глубине, там, где заканчивалась она и начиналось что-то другое.

Ты всегда была моей. Ты просто забыла.

— Заткнись! — закричала Лиана.

Серое поле треснуло.

Она проснулась на кухонном полу.

Голова гудела, локти саднили — она упала со стула, ударилась о плитку, но даже не почувствовала боли. В правой руке всё ещё была кружка — пустая, холодная. Вода расплескалась по полу, натекла лужа, в которой отражался свет двух лун из окна.

Лиана села, опираясь спиной о кухонный гарнитур. Дышала тяжело, с присвистом — будто бежала марафон. Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках, в запястье, в кончиках пальцев.

Она посмотрела на правую руку.

Белая полоска стала шире. Теперь она напоминала не след от браслета, а тонкое кружево — узор из бледных линий, которые оплетали запястье, поднимались выше, к локтю. Лиана закатала рукав свитера до плеча.

Узор доходил почти до локтевого сгиба. Белый, чуть светящийся в темноте, похожий на инеевые разводы на зимнем стекле.

— Нет, — прошептала она. — Этого не может быть.

Она потёрла кожу пальцами — узор не стирался. Он был под кожей. Или сама кожа стала таким узором. Лиана закрыла глаза, открыла — узор никуда не делся. Она пощупала пульс на запястье — пальцы нащупали горячую, пульсирующую точку, которая не совпадала с ритмом её сердца.

Чужой пульс.

Пульс Ксавьера.

Лиана вскочила на ноги, отшвырнула кружку. Та разбилась о стену, но звук показался приглушённым, далёким — будто вата в ушах. Она подбежала к зеркалу в прихожей — единственному зеркалу в квартире, мутноватому, в дешёвой деревянной раме.

В зеркале отражалась она. Лиана Верн. Двадцать три года. Каштановые волосы, собранные в небрежный пучок. Серые глаза с тёмными кругами под ними — бессонница давала о себе знать. Бледная кожа, тонкие губы, острый подбородок. Всё как всегда.

Кроме взгляда.

В зеркале на неё смотрели чужие глаза. Её собственные — серые, с мелкими золотистыми крапинками, которых раньше не было.

Лиана приблизилась к зеркалу вплотную, вглядываясь. Крапинки мерцали — то появлялись, то исчезали, как фантомные отпечатки на сером поле. Они не были частью её. Они были частью его.

Она отвернулась от зеркала, прислонилась лбом к холодной стене. В голове шумело, мысли путались, разбегались, как тараканы от света. Она пыталась собрать их в одну, внятную, логичную цепочку, но каждый раз спотыкалась об одно и то же:

Ты не человек. Ты Гнездо. Сосуд. Контейнер.

Твоя личность — ложная. Вживлённая. Фальшивая.

Тебя создали, чтобы однажды забрать то, что в тебя вложили, и выбросить.

— Нет, — сказала Лиана в стену. — Это не правда. Это побочный эффект. Контакт с пустым разумом вызывает ментальные галлюцинации, потерю идентичности, тактильные фантомы. Я читала об этом. В учебнике «Патологии ментальной связи», глава седьмая, параграф три. У меня просто... профессиональное выгорание. Мне нужен отдых.

Она отлепилась от стены, прошла в гостиную, села на диван. Взяла с журнального столика книгу по ментальной магии, наугад открыла страницу. Буквы плыли перед глазами, складывались в слова, слова — в предложения, но смысл ускользал. Она перечитывала один абзац пять раз, пока не поняла, что не помнит ни слова.

Закрыла книгу. Отложила.

— Завтра я позвоню Рейну и скажу, что отказываюсь от задания, — произнесла она вслух, чтобы закрепить мысль. — Скажу, что не готова. Что мне нужна реабилитация после контакта. Он поймёт. Он всегда понимал.

Она легла на диван, свернулась калачиком, натянула плед до подбородка. Закрыла глаза.

И сразу же увидела серое поле.

Она лежала на равнине, глядя в серое небо. Оно было бесконечным — ни облачка, ни звёзд, ни просвета. Просто серая пустота сверху и серая пустота снизу, и она между ними — маленькая, хрупкая, ненужная.

— Уходи, — сказала она в пустоту. — Я не хочу тебя видеть. Я хочу спать.

Пустота не ответила. Но равнина под её спиной чуть прогнулась, стала мягче — будто кто-то подложил подушку. Лиана почувствовала тепло, идущее откуда-то из глубины. Не обжигающее, как жар в запястье, а уютное, сонное. Зовущее.

Закрой глаза, — прошептал голос. Не её. Не Ксавьера. Третий. Глубинный. Тот, что шёл из-под равнины. Закрой глаза и отдохни. Ты так устала. Ты заслужила отдых.

— Я не хочу отдыхать. Я хочу проснуться.

Ты проснёшься. Когда придёт время. А сейчас — спи.

Тепло становилось сильнее. Оно обволакивало её, как одеяло, тянуло вниз, сквозь серую поверхность, туда, где было темно и тихо и не нужно было ничего решать. Лиана чувствовала, как её сознание затуманивается, как мысли становятся вязкими, как тает сопротивление.

Она почти поддалась.

Но в последний момент, когда тепло коснулось её сердца, она вспомнила.

Ты. Моя.

— Нет, — сказала Лиана и села на равнине. — Я не твоя. И я не буду спать, пока не пойму, что происходит.

Тепло отступило, будто обожглось. Равнина под ней задрожала, по серой поверхности пошли трещины — тонкие, как паутина. Из трещин потянулся золотистый свет — тот самый, что был в глазах Ксавьера. Тот самый, что мерцал в её собственных зрачках.

— Я не Гнездо, — сказала Лиана, глядя в золотой свет. — Я — это я. И никто не имеет права меня стирать.

Золотой свет вспыхнул ярче, а потом погас. Трещины закрылись. Равнина стала прежней — серой, ровной, бесконечной.

Но Лиана знала, что она изменилась.

Не равнина. Она сама.

Она открыла глаза в своей гостиной.

Плед сполз на пол, подушка валялась в ногах. За окном уже серело — наступало утро. Две луны сели, уступив место бледному солнцу.

Лиана села, свесила ноги с дивана. Посмотрела на правую руку.

Белый узор на запястье исчез.

Совсем. Ни следа, ни бледной полоски, ни намёка на то, что он вообще был. Кожа — чистая, гладкая, обычная. Пульс — ровный, её собственный, без чужой примеси.

— Побочный эффект, — сказала Лиана. Теперь её голос звучал твёрдо. — Галлюцинации, тактильные фантомы, временная потеря памяти. Всё в пределах нормы для контакта с объектом класса «Хаос». Мне нужен отдых. Неделя, максимум две. И я буду в порядке.

Она встала, прошла на кухню, собрала осколки разбитой кружки. Вытерла лужу воды. Поставила чайник — на этот раз сама, помня каждое движение. Достала из шкафа новую кружку — белую, без рисунка, такую же, как разбитая. Заварила чай. Сделала глоток.

Вкус был. Обычный, чайный, с лёгкой горчинкой. Значит, она не спит. Значит, реальность.

Она подошла к зеркалу в прихожей и посмотрела себе в глаза.

Серые. Без золотых крапинок. Чистые.

— Это был побочный эффект, — повторила она. — Я входила в пустой разум. Такое бывает. У меня просто нет опыта работы с опустошёнными объектами. Я перенервничала. Я переутомилась. Я отдохну, и всё пройдёт.

Она отвернулась от зеркала, прошла в спальню, достала из шкафа форму чистильщика. Серый костюм, руны на спине, артефакт-накопитель на цепочке. Всё на месте. Всё работает.

Она села на край кровати, держа форму в руках, и посмотрела в окно. Солнце поднималось выше, разгоняя утренний туман. Две луны исчезли — они всегда исчезали на рассвете, уступая место светилу. Мир был обычным. Предсказуемым. Безопасным.

Она положила форму на кровать и взяла коммуникационный амулет — маленький серебряный диск, который позволял связаться с Бюро.

— Рейн, — сказала она в диск. — Это Верн. Я отказываюсь от задания.

Тишина. Амулет молчал — ответ придёт не сразу, начальник Бюро не сидел у телефона в ожидании её звонка. Но она оставила сообщение. Теперь дело за ним.

Она отключила амулет, положила на тумбочку. Легла на кровать, не раздеваясь, глядя в потолок. Трещина в левом углу никуда не делась — напоминание о том, что даже в идеально отремонтированной квартире есть изъяны.

— Я просто отдохну, — сказала она потолку. — Выплюсь. Схожу в парк. Съём нормальный обед. А завтра позвоню в Бюро и скажу, что готова к обычным заданиям. Чистка пятого ранга, не выше. Никаких драконов. Никаких пустых разумов. Никаких... — она запнулась, подбирая слово, — никаких голосов.

Она закрыла глаза. На этот раз серое поле не пришло. Только темнота — спокойная, тёплая, без снов.

Но перед тем, как провалиться в настоящий сон, Лиана услышала шёпот.

Тихий. Далёкий. Почти неразличимый.

Ты вернёшься.

Она не ответила. Она спала.

А в Цитадели Изоляции, глубоко под землёй, в кубе из белого камня, человек с пустыми глазами улыбнулся. Первый раз за два года.

Узоры на его запястьях светились золотом — в такт её сердцу.

Глава 5. Бюро. Отказа не принято

Бюро Ментальной Гигиены встречало её привычным бледно-зелёным светом и запахом озона.

Лиана вошла в главный холл в девятом часу утра, и никто не обратил на неё внимания. Сотрудники пятого, шестого, седьмого уровней сновали туда-сюда с папками и артефактами, медсёстры толкали перед собой каталки с пациентами в кататонии, курьеры в серых сюртуках мелькали в дверях. Всё как обычно. Всё как вчера. Всё как всегда.

Кроме неё.

Лиана спала четыре часа — с семи до одиннадцати утра, и это был самый глубокий сон в её жизни. Без сновидений. Без серого поля. Без голосов. Когда она проснулась, солнце стояло высоко, за окном чирикали воробьи, и на секунду ей показалось, что ничего не случилось. Что вчерашний день был просто кошмаром. Что она не видела тронный зал, не слышала слова о Гнезде, не чувствовала чужой пульс на своём запястье.

Потом она посмотрела на правую руку. Кожа была чистой. Но память — нет.

Она оставила сообщение Рейну об отказе, но ответа не получила — ни утром, ни через час, ни через два. Амулет молчал. Это было странно — начальник Бюро всегда отвечал в течение получаса, даже на ночные сообщения. Его молчание было красноречивее любого отказа.

И вот она здесь. В холле. Сжимает в кармане амулет, который так и не пиликнул, и смотрит на лифт, ведущий в кабинет главы.

— Госпожа Верн? — Голос сбоку заставил её вздрогнуть. Молодой сотрудник в очках с толстыми линзами — она не помнила его имени, но лицо было знакомым. — Вас ожидают. Шестой уровень. Кабинет восемнадцать.

— Рейн принимает на шестом? — удивилась Лиана. Глава Бюро работал на седьмом, в своём личном кабинете с алтарным столом и дверью без ручки.

— Не Рейн. — Сотрудник поправил очки и заговорил тише, почти шёпотом: — Глава Бюро временно отстранён. Назначен новый руководитель. По личному распоряжению Империи.

Сердце ухнуло вниз.

— Отстранён? За что?

Сотрудник развёл руками — жест, который мог означать всё что угодно: «не знаю», «не могу сказать», «боюсь говорить». Но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на сочувствие.

— Вас ждут, — повторил он и быстро ушёл, слившись с потоком серых мундиров.

Лиана осталась стоять в холле. Рейна отстранили. В тот самый день, когда она оставила сообщение об отказе от задания. Совпадение? Она не верила в совпадения.

Она прошла к лифту, нажала кнопку шестого уровня. Платформа дрогнула и поплыла вниз, унося её в недра Бюро, где воздух становился холоднее, а свет — искусственное.

Шестой уровень отличался от седьмого. Здесь не было личного кабинета главы и секретных лабораторий — здесь располагалось управление персоналом: кабинеты начальников отделов, комнаты для совещаний, архив личных дел. Кабинет восемнадцать находился в конце длинного коридора, дверь — обычная, деревянная, с табличкой, на которой ещё не успели сменить имя.

Лиана постучала.

— Войдите.

Голос был незнакомым — низкий, с хрипотцой, без той холодной вежливости, которой отличался Рейн. Голос человека, который привык отдавать приказы и не привык их обсуждать.

Она толкнула дверь.

Кабинет оказался меньше кабинета Рейна, но более... живым. На стенах висели карты — не магические, обычные, географические, с пометками и стрелками. На столе стоял кофейный сервиз на две персоны — серебряный, дорогой. В углу — пальма в кадке. Кабинет человека, который планирует здесь задержаться надолго.

За столом сидел мужчина. Лет сорока пяти, коротко стриженные тёмные волосы с обильной сединой на висках, квадратная челюсть, тяжёлый взгляд. Форменный сюртук сидел на нём безупречно — ни складки, ни пылинки. На груди — знак отличия Имперского Надзора, чёрный орёл с распростёртыми крыльями.

— Лиана Верн, — сказал он, не вставая. — Садись.

Она села. Стул был удобным — с подлокотниками и высокой спинкой, совсем не похожим на те, на которых Рейн заставлял подчинённых сидеть «в тонусе». Этот стул был создан для долгих разговоров.

— Меня зовут Инсмут. Дориан Инсмут. — Он сложил руки на столе. — Назначен главой Бюро Ментальной Гигиены сегодня утром. Мой предшественник, Амброз Рейн, отстранён за нарушение протоколов безопасности. Временно, разумеется. Пока идёт расследование.

— За какие нарушения? — спросила Лиана.

Инсмут посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах не было злобы — только холодная оценка, как у хирурга, выбирающего место для разреза.

— Он поручил задание первого класса секретности чистильщику седьмого ранга без необходимой подготовки и без санкции Имперского Совета. Это серьёзное нарушение, Верн. Особенно учитывая, что предыдущие шесть чистильщиков потерпели крах.

— Я не просила это задание. Он сам мне его предложил.

— Ты приняла его. — Инсмут разжал руки и откинулся на спинку кресла. — Вчера ты провела погружение в разум объекта. По записям регистратора, ты установила контакт. Первый успешный контакт за два года. Объект отреагировал на твоё присутствие — мышечный спазм, вокализация. Рейн был прав в одном: ты подходишь для этого задания.

Лиана почувствовала, как внутри закипает злость — холодная, ровная, профессиональная. Злость чистильщика, которого пытаются загнать в угол.

— Я отказываюсь от задания, — сказала она. — Пришлите рапорт в письменном виде. Я готова пройти любую проверку ментальной стабильности. Я подпишу любые бумаги о неразглашении. Но я больше не войду в разум этого дракона.

Инсмут не удивился. Не рассердился. Он просто сидел и смотрел на неё — спокойно, даже скучающе, как учитель на ученика, который только что сказал очевидную глупость.

— Отказ не принят, — произнёс он наконец.

— Что?

— Отказ не принят, Верн. Ты услышала меня. — Он подался вперёд, и свет настольной лампы упал на его лицо, высветив глубокие морщины у рта. — Задание приоритетное. Личное распоряжение Империи. Объект Ксавьер Обсидиановый — стратегическая ценность. Информация, запертая в его разуме, может спасти тысячи жизней. Или, если мы её не получим, — погубить. Ты единственная, кто смог установить контакт. Ты единственная, кто может завершить начатое.

— Я не единственная. В Бюро есть чистильщики восьмого и девятого рангов. Есть ветераны с двадцатилетним стажем. Пусть они идут.

— Они пытались. — Голос Инсмута стал жёстче. — Шестеро. Ты знаешь, чем это кончилось. Четверо в кататонии. Двое мертвы. Остальные — включая восьмой и девятый ранги — отказались от погружения, даже не попробовав. Они прочитали рапорты предшественников и сказали «нет». Ты — единственная, кто не испугался. Ты — единственная, кто вернулся целым.

— Я не вернулась целой, — тихо сказала Лиана. — У меня были... побочные эффекты.

— Какие именно?

Она хотела рассказать. О сером поле. О фантомном отпечатке. О словах «Гнездо готово». О руке, сжавшей её запястье. О голосе, который шептал «Ты. Моя.» О белом узоре, который появился на коже, а потом исчез.

Она хотела рассказать, но что-то остановило её. Инстинкт. Чистильщик чует опасность — не логикой, а нутром. И сейчас её нутро кричало: не говори. Не этому человеку. Не здесь. Не сейчас.

— Тактильные фантомы, — сказала она вместо правды. — Лёгкие провалы в памяти. Всё в пределах нормы для первого контакта с объектом класса «Хаос».

Инсмут кивнул, и его лицо чуть расслабилось — он поверил. Или сделал вид, что поверил.

— Ничего критического. Ты отдохнёшь день-два и продолжишь.

— Я не продолжу.

— Продолжишь. — Инсмут взял со стола тонкую папку — не чёрную, как в прошлый раз, а красную, с грифом «Совершенно секретно. Личное дело сотрудника». — Ты знаешь правила, Верн. Чистильщики Бюро Ментальной Гигиены не имеют права отказываться от заданий, назначенных прямым распоряжением Империи.

— Это незаконно. Женевская Конвенция по магическим правам гарантирует право на отказ от опасной работы.

— Женевская Конвенция была денонсирована Империей три года назад. — Инсмут открыл папку, пролистал несколько страниц. — Ты подписывала контракт при поступлении на службу.

Раздел семь, параграф три: «Сотрудник Бюро обязуется выполнять любые задания, делегированные ему руководством, включая задания высшей категории опасности, под угрозой расторжения контракта и аннулирования лицензии на занятие ментальной магией».

Лиана молчала. Она помнила этот пункт. Все чистильщики его помнили. Но никто не воспринимал всерьёз — за десять лет существования Бюро ни разу не было случая, чтобы кого-то заставили работать против воли.

— Ты можешь уволиться, — продолжил Инсмут. — Раздел двенадцать, параграф семь: сотрудник вправе расторгнуть контракт по собственному желанию, уведомив руководство за тридцать дней. Но в твоём случае, Верн, тридцать дней — это слишком долго. Задание должно быть выполнено в течение недели. Если ты уволишься сейчас, это будет считаться дезертирством во время выполнения особо важной задачи. А дезертирство, как ты знаешь, карается...

— Ментальной блокировкой, — закончила за него Лиана. — Я знаю.

Она знала. Ментальная блокировка — стирание всех профессиональных навыков, всех знаний о ментальной магии, всех воспоминаний, связанных с Бюро. Технически — мягкая форма казни. Человек остаётся жив, но теряет часть себя. Чистильщик без памяти о магии — просто овощ. Как те пациенты, которых она чистила каждый день.

— Я не хочу применять к тебе крайние меры, Верн. — Инсмут закрыл папку и посмотрел ей прямо в глаза. — Ты талантливый специалист. Лучшая выпускница Академии за десять лет. Такие люди нужны Империи живыми и здоровыми. Но если ты продолжишь упрямиться, у меня не останется выбора.

Лиана сидела неподвижно. Внутри всё кипело — страх, злость, отчаяние, — но снаружи была маска. Та самая маска, которую она надевала каждый раз, когда входила в чужой разум. Спокойствие. Холод. Профессионализм.

— Вы говорите, что я единственная, кто может это сделать, — сказала она медленно. — Но вы же понимаете, что если я сломаюсь — как те шестеро, — вы останетесь ни с чем. Без меня. Без дракона. Без информации.

— Ты не сломаешься.

— Откуда вы знаете?

Инсмут улыбнулся — первый раз за весь разговор. Улыбка была кривой, недоброй.

— Потому что у тебя нет выбора, Верн. Люди с выбором ломаются. Люди без выбора — выживают. — Он встал из-за стола, прошёлся по кабинету, остановился у пальмы в кадке. — Рейн говорил, что у тебя уникальный дар. Ты чувствуешь память. Ты знаешь её вкус, цвет, запах. Это редчайший талант. И именно поэтому ты справишься. Не потому, что ты сильнее. А потому, что ты другая.

Лиана сжала кулаки под столом. Ногти впились в ладони, но боль была далёкой — неважной.

— Я прошу один день, — сказала она. — На подготовку. На сборы. На то, чтобы... привести мысли в порядок.

Инсмут повернулся к ней. На его лице снова была маска холодной вежливости — ни улыбки, ни угрозы, только расчёт.

— Сутки, — сказал он. — Ровно двадцать четыре часа. Завтра в это же время ты должна быть в Цитадели Изоляции с полным снаряжением. Если ты не явишься — я буду вынужден активировать пункт о дезертирстве.

— Я явлюсь.

— Я знаю. — Он вернулся за стол, взял кофейную чашку, отпил глоток. — Можешь идти, Верн. И постарайся выспаться. Завтра тебе понадобятся все силы.

Лиана встала. Ноги были ватными, но она заставила себя идти ровно, не спеша — к двери, к выходу из кабинета, к лифту, который поднимет её на поверхность. В спину ей смотрел взгляд Инсмута — тяжёлый, оценивающий, как у человека, который уже решил её судьбу.

У двери она остановилась.

— Что будет с Рейном? — спросила она, не оборачиваясь.

— Это зависит от тебя, — ответил Инсмут. — Если ты выполнишь задание, его отстранение снимут. Если нет... — он не закончил. Не нужно было.

Лиана вышла.

Дверь закрылась за ней с тихим щелчком, и в коридоре шестого уровня снова стало тихо — только гул артефактов где-то далеко и её собственное дыхание.

Она прислонилась спиной к стене, закрыла глаза. В голове крутились обрывки мыслей, как фантомные отпечатки на сером поле — хаотично, больно, невыносимо.

Чистильщики — собственность Бюро.

Она всегда знала это правило. Знала, но никогда не ощущала его на своей шкуре. Рейн был мягким — он давал выбор, позволял отказываться, списывал неудачи на «профессиональное выгорание». Инсмут был другим. Инсмут был системой. Холодной, безликой, нестигаемой.

Лиана открыла глаза. В коридоре никого не было — только бледно-зелёные стены и ровный свет артефактов. Она оттолкнулась от стены и пошла к лифту.

По пути она достала из кармана амулет и посмотрела на него. Сообщение Рейну так и осталось непрочитанным — диск не показывал уведомлений. Лиана сжала его в кулаке и убрала обратно.

Она не будет звонить Рейну. Не будет никого просить о помощи. Потому что помощи не будет. Бюро сказал «надо» — и она пойдёт. Или её сотрут.

Лиана вошла в лифт, нажала кнопку первого уровня. Платформа дрогнула и поплыла вверх.

Завтра, — думала она. — Завтра я снова войду в его разум. Или он войдёт в мой. Но кем я выйду оттуда — уже неважно. Важно только то, что выбора у меня нет.

Лифт остановился. Двери открылись, выпуская её в холл первого уровня — шумный, светливый, полный людей, которые не знали, что где-то под их ногами, в подвалах Цитадели, дракон улыбнулся впервые за два года.

И что завтра чистильщик седьмого ранга Лиана Верн вернётся к нему — не потому, что хочет, а потому, что не может отказать.

Она вышла на улицу. Солнце светило ярко, две луны уже скрылись за горизонтом, оставив небо голубым и чистым. Обычный день. Обычный город. Обычная жизнь.

Ничего обычного не осталось.

Глава 6. Попытка забыться

Лиана не поехала домой.

Она вышла из Бюро, остановилась на крыльце, глубоко вдохнула прохладный воздух и поняла, что не хочет возвращаться в свою пустую квартиру. Не хочет сидеть на диване с трещиной в стене и смотреть в потолок, ожидая, когда серое поле придёт за ней снова. Не хочет прикасаться к амулету, который молчит, потому что говорить не с кем.

Она хочет быть обычным человеком. Хотя бы сегодня. Хотя бы на несколько часов.

Она свернула налево, в сторону Старого города, где улицы были узкими, дома — низкими, а воздух пах хлебом и жареными каштанами. Она не была здесь уже несколько месяцев — чистильщики редко выбирают в эту часть столицы, слишком людно, слишком шумно, слишком много чужих мыслей, которые случайно зацепляются за ментальную защиту и раздражают, как песок в ботинках.

Но сегодня она отключила защиту. Сознательно. Пусть чужие мысли текут сквозь неё, пусть задевают, пусть мешают. Может быть, среди них она найдёт ту, свою. Ту, которая заглушит голос, шепчущий «Ты. Моя.»

Кафе называлось «У Сладкоежки» — вывеска с изображением пухлого пирожного в цилиндре, за стеклом витрины — горы эклеров, корзиночек, безе. Лиана толкнула дверь, и колокольчик над входом жалобно звякнул.

Внутри было тесно и уютно. Пять столиков, два из которых заняты — молодая пара с ребёнком и пожилой маг, читающий газету. Пахло ванилью и кофе. На стойке стояла клетка с канарейкой, которая спала, нахохлившись.

— Добрый день, — сказала девушка за стойкой — веснушчатая, с рыжими косичками, в переднике в горошек. — Что вам положить?

Лиана посмотрела на витрину. Пирожные были маленькими, разноцветными, с глазурью, с орешками, с цукатами. Она не ела сладкого уже несколько лет — не потому, что не любила, а потому, что не видела смысла. Еда была топливом для тела, не больше. Чистильщики не тратили время на гастрономические удовольствия.

— Вот это, — сказала она, ткнув пальцем в первое попавшееся. Эклер с шоколадным кремом, посыпанный серебряными драже.

Девушка улыбнулась, достала пирожное, положила на тарелку. Лиана взяла, расплатилась, села за столик у окна.

Эклер оказался приторным. Крем — слишком жирным, тесто — слишком мягким. Лиана откусила кусочек, прожевала, проглотила. Вкус был — сладкий, чуть горьковатый из-за шоколада. Но он не приносил удовольствия. Она жевала механически, глядя в окно на прохожих.

Женщина с коляской. Мужчина в деловом костюме, разговаривающий по амулету. Двое подростков, толкающих друг друга. Старушка с авоськой, полной зелени.

У них у всех была жизнь. Своя, настоящая, с радостями и горестями, с утрами и вечерами, с любовью и ненавистью. Они не знали, что такое входить в чужой разум и вырезать из него воспоминания. Они не знали, что такое быть пустым изнутри и притворяться, что это нормально.

Они были обычными людьми. А она нет.

Лиана доела эклер, вытерла пальцы салфеткой и заказала второй.

— Вы Лиана? — Голос за спиной заставил её замереть. Знакомый голос. Слишком знакомый.

Она обернулась.

У стойки стояла Мирра — чистильщик пятого ранга, её бывшая сокурсница по Академии. Невысокая, полноватая, с вечно растрёпанными русыми волосами и круглыми щеками, которые делали её похожей на хомяка. Они учились вместе три года, потом вместе поступили в Бюро, но быстро разошлись — Мирра выбрала «чистую» работу с пациентами низкого ранга, а Лиана ушла в глубину.

— Привет, — сказала Мирра, подходя ближе. В руках она держала чашку кофе и тарелку с корзиночкой. — Можно присесть?

— Нельзя, — ответила Лиана.

Мирра не обиделась — она привыкла к резкости Лианы ещё в Академии. Просто вздохнула, поставила чашку на соседний столик и села сама, не дожидаясь приглашения.

— Ты плохо выглядишь, — сказала она, впиваясь зубами в корзиночку.

— Спасибо.

— Я серьёзно. Глаза красные, под глазами круги, ты похудела. — Мирра жуя, разглядывала её с профессиональным интересом коллеги, который трудно спутать с обычным любопытством. — Ты в порядке?

— В полном.

— Врёшь.

Лиана отвернулась к окну. За стеклом всё так же шли люди, но теперь их лица казались размытыми — как будто между ней и миром опустилась пелена.

— Я слышала про задание, — продолжала Мирра, не обращая внимания на её молчание. — Весь шестой уровень только об этом и говорит. Дракон. Опустошение. Ты — седьмой чистильщик. — Она откусила ещё кусок корзиночки. — Все гадают, справишься ты или...

— Или кончу как те шестеро? — закончила Лиана. — Можешь не гадать. Я отказываюсь от задания.

Мирра поперхнулась.

— Что? Отказываешься?

— Уже отказалась. Новый глава Бюро сказал, что отказ не принят. — Лиана наконец повернулась к ней. — Так что завтра я снова пойду в Цитадель. И, скорее всего, не вернусь.

Мирра положила недоеденную корзиночку на тарелку и накрыла её салфеткой — жест, который Лиана помнила ещё с Академии. Мирра всегда так делала, когда волновалась.

— Ты не должна идти одна, — сказала она тихо. — Я могу пойти с тобой. В качестве поддержки. Не в разум, конечно — у меня ранга не хватит, но физически. Чтобы кто-то был рядом.

— Не надо.

— Лиана...

— Я сказала — не надо! — Лиана повысила голос, и канарейка в клетке вздрогнула, открыла глаза. Девушка за стойкой обернулась, пожилой маг поднял голову от газеты. — Извини, — добавила Лиана тише. — Я просто... не хочу никого впутывать.

Мирра посмотрела на неё долгим, грустным взглядом. В её глазах не было обиды — только сожаление.

— Ты всегда так, — сказала она. — В Академии ты была одиночкой. В Бюро — одиночкой. Я думала, это просто характер. А теперь я вижу — ты боишься.

— Чего?

— Что кто-то узнает, что ты не такая, как все. Что внутри у тебя пустота. — Мирра встала, взяла чашку с недопитым кофе. — Только дуракам не видно, Лиана. Я чистильщик. Я вижу пустоту за километр. И не боюсь её. Потому что ты — не пустота. Ты просто человек, который слишком долго был один.

Она развернулась и вышла из кафе, не попрощавшись. Колокольчик звягнул, канарейка чирикнула, и снова стало тихо — только шёпот посетителей и звон ложек о тарелки.

Лиана осталась сидеть у окна с недоеденным вторым эклером. Пирожное растаяло, крем растёкся по тарелке, драже осыпались на блюдце. Она смотрела на них и думала о словах Мирры.

Ты боишься, что кто-то узнает, что ты не такая, как все.

Она боялась. Не того, что кто-то узнает — того, что это правда. Что она действительно не такая. Что внутри неё пустота, которую она заполняла работой, работой и только работой. А теперь работа уходит — и пустота остаётся.

Лиана встала, бросила монету на стол — больше, чем стоило пирожное — и вышла на улицу.

Она шла без цели. Ноги сами несли её вперёд, мимо магазинов, лавок, лотков с фруктами. Она смотрела на витрины, но не видела товаров. Смотрела на лица, но не запоминала их. Город тек вокруг неё, как река, а она стояла посреди течения — холодная, неподвижная, чужая.

Парк она нашла случайно. Просто свернула за угол и оказалась перед кованой оградой, за которой росли старые липы и каштаны. Вход был свободным — табличка «Закрето на реконструкцию» висела криво, но калитка была открыта.

Лиана вошла.

В парке было пусто. Дорожки усыпаны опавшими листьями, скамейки покрыты паутиной, фонтан в центре не работал — из чаши торчали ржавые трубы. Здесь, видимо, действительно собирались делать реконструкцию, но бросили на полпути. Или не начинали вовсе.

Она села на скамейку у засохшего куста сирени, положила руки на колени и уставилась в пустоту.

Одиночество пришло не вдруг — оно нарастало постепенно, как вода, которая заликает трюм тонущего корабля. Сначала по щиколотку — мелочь, не обращаешь внимания. Потом по колено — уже неудобно, но терпимо. Потом по пояс — начинаешь задыхаться. А теперь она стояла по горло в одиночестве, и вода поднималась всё выше.

У неё не было друзей. В Академии она держалась особняком — не потому, что её не принимали, а потому, что она сама не хотела принимать. Ей казалось, что дружба — это лишние связи, которые могут быть использованы против неё. Что семья — это слабость, которую могут эксплуатировать враги. Что хобби — это пустая трата времени, которое можно потратить на повышение ранга.

Она всегда считала это плюсом. Свобода от привязанностей. Возможность собрать вещи за пять минут и уехать куда угодно. Никаких слёз на прощание, никаких скучающих писем, никаких обязательств.

Теперь она чувствовала это как пустоту. Зияющую, холодную, голодную.

Кому будет дело, если я исчезну? — подумала Лиана. — Рейн потеряет ценного сотрудника. Инсмут — удобный инструмент. Мирра всплакнет на поминках и забудет через неделю. И никто, никто не придёт в мою пустую квартиру, не сядет на мой продавленный диван, не посмотрит на трещину в стене и не скажет: «Здесь жил хороший человек».

Потому что она не была хорошим человеком. Она была чистильщиком. Инструментом. Функцией.

Она закрыла глаза.

И сразу же увидела серое поле.

Но теперь оно было другим.

Ветер. Раньше ветра не было — ни дуновения, ни движения воздуха. Теперь ветер дул — слабый, тёплый, пахнущий дымом и озоном. Он шевелил её волосы — здесь, в ментальном пространстве, волосы были, как и одежда, как и кулон на шее.

Серое поле простиралось до горизонта, но горизонт больше не был ровным. Где-то вдали, на границе видимости, земля поднималась — холм. Маленький, пологий, но явно искусственный. На вершине холма стояла фигура.

Человек. Высокий, тёмный, с длинными волосами, развевающимися на ветру.

Ксавьер.

Он стоял неподвижно, как статуя, но его глаза горели золотом — даже на таком расстоянии Лиана видела этот свет. Он смотрел на неё. Не на равнину, не на горизонт, не в пустоту — именно на неё.

— Это сон, — сказала себе Лиана. — Это просто сон. Моего тела нет на сером поле. Я сплю на скамейке в заброшенном парке. Через минуту я проснусь.

Но она не просыпалась.

Она сделала шаг. Потом другой. Ноги несли её вперёд, к холму, к фигуре, к золотым глазам, которые ждали. Она не хотела идти — но шла. Как тогда, в прошлый раз, когда ноги не слушались. Только теперь сопротивление было слабее. Или она устала сопротивляться.

— Что тебе нужно? — крикнула она, когда расстояние сократилось до сотни шагов.

Ксавьер не ответил. Он просто стоял и смотрел — и в его взгляде не было угрозы. Не было враждебности. Только... ожидание. Как будто он ждал, что она сама сделает следующий шаг.

Лиана остановилась в двадцати шагах от холма. Она могла разглядеть его лицо — резкие скулы, тонкие губы, тёмные брови. И глаза — золотые, горящие, но не злые. Пустые? Нет. Полные. Полные того, что она не могла назвать.

— Ты не настоящий, — сказала она. — Ты — фантом. Остаток памяти. Осколок того, кем ты был до опустошения. Тебя здесь нет.

Ксавьер наклонил голову. Один жест — и в нём вдруг проявилось что-то человеческое. Не драконье, не звериное — обычное, живое, почти уязвимое.

Почему ты не боишься? — спросил он.

Голос прозвучал не вслух — у неё в голове. Теплый, низкий, с той же вибрацией, что и в фантомном отпечатке. Но мягче. Без той ледяной твёрдости, с которой он говорил у трона.

— Боюсь, — ответила Лиана. — Очень боюсь. Но я не могу показать это. Если я покажу страх, ты... или то, что от тебя осталось... войдёшь внутрь.

Я уже внутри, — ответил Ксавьер. — Я всегда был внутри. Ты просто не знала.

Он сделал шаг вниз по склону холма. Один шаг. И земля под ногами Лианы дрогнула — не сильно, чуть-чуть, как при слабом подземном толчке.

— Не приближайся, — сказала она.

Он остановился. Но его глаза продолжали гореть — ровным, спокойным золотом, без агрессии. И в этом спокойствии было что-то более страшное, чем любая угроза. Он не хотел её напугать. Он хотел, чтобы она поняла.

Ты знаешь правду, — сказал он. — Ты всегда её знала. Просто прятала глубоко. Там, куда не могли достать даже чистильщики. Но теперь правда выходит наружу. Она течёт по твоим венам. Она стучит в твоём сердце. Она смотрит на тебя моими глазами.

— Ты не мой. — Лиана сжала кулаки. — Я не твоя. Я — это я. Лиана Верн. Чистильщик седьмого ранга. И никто не имеет права решать за меня, кем мне быть.

Ксавьер улыбнулся. Первый раз. Улыбка была кривой, грустной — совсем не драконьей.

Ты не знаешь, кто ты, — сказал он. — Но я знаю. Я помню. Я помню всё. Каждый фрагмент, каждую деталь, каждое мгновение. И когда ты войдёшь в меня — по-настоящему, не через защитные слои, а в самую глубину — ты тоже вспомнишь.

— Я не буду входить.

Будешь. Ты уже идёшь. Каждый твой шаг приближает тебя ко мне. Каждое твоё дыхание — моё. Каждая твоя мысль — моя. Потому что ты — это я. А я — это ты. Мы одно целое, разделённое надвое. И нас никто не сможет собрать, кроме нас самих.

Лиана хотела ответить, но не смогла. Потому что серое поле начало таять — края потемнели, ветер стих, золотые глаза Ксавьера померкли.

Она просыпалась.

Последнее, что она увидела перед тем, как открыть глаза в реальном мире — его руку, протянутую к ней. Не угрожающе. Не требовательно. А так, как протягивают руку тонущему.

Вернись ко мне, — услышала она, проваливаясь в темноту. — Вернись, и я покажу тебе, кто ты на самом деле.

Она открыла глаза в парке.

Солнце село. Две луны висели низко — бледная и золотистая, как всегда. Фонари не горели — парк был заброшен, и никто не заботился об освещении. Лиана сидела на скамейке, покрытая холодным потом, и смотрела на засохший куст сирени, который в темноте казался скелетом какого-то древнего зверя.

Она не знала, сколько проспала. Час? Два? Минуту? Время потеряло смысл.

Она встала — ноги затекли, спина болела — и медленно пошла к выходу из парка. Мимо фонтана с ржавыми трубами. Мимо кованой ограды. На улицу, где горели фонари и шли люди — такие же, как утром, но уже в пальто и шарфах.

Она добралась до дома. Поднялась на свой этаж. Открыла дверь ключом — тот же замок, те же три поворота. Включила свет — лампочка на кухне мигнула и загорелась.

Квартира встретила её тишиной.

Лиана скинула обувь, прошла в гостиную, села на диван. Плед так и лежал на полу — она не стала его поднимать. Часы на стене показывали без четверти семь — сломанные часы всегда показывали одно и то же.

Она легла, закрыла глаза и сразу же провалилась в сон.

Серое поле не пришло. Была только темнота — спокойная, тёплая, обещающая отдых. Но перед тем, как сознание окончательно погасло, Лиана почувствовала чьё-то присутствие. Не рядом — внутри. Там, где заканчивалась она и начиналось что-то другое.

Завтра, — подумала она. — Завтра я вернусь к тебе. Не потому, что хочу. Не потому, что должна. А потому, что не могу иначе.

И в ответ — откуда-то из глубины, из-под серой равнины, из золотых глаз — пришло тепло.

Не обжигающее. Не чужое. Своё.

Как будто она наконец вернулась домой.

Глава 7. Второй контакт. Отпечаток

Лиана проснулась за час до рассвета.

Не от шума, не от света, не от внутреннего будильника — просто открыла глаза и поняла, что спать больше не будет. В голове было пусто и ясно, как после хорошей чистки. Ни тревоги, ни страха, ни того липкого ужаса, который преследовал её последние дни.

Только одна мысль — холодная, как лезвие ментального скальпеля:

Он проник в мой сон.

Невозможно. Пустой разум не может влиять на сознание чистильщика седьмого ранга. Не может создавать связные образы. Не может говорить — не рычать, не мычать, а именно говорить осмысленными фразами. И уж точно не может явиться в чужой сон и протянуть руку со словами «Вернись ко мне».

Но он явился. Она помнила каждую деталь — ветер, холм, золотые глаза, улыбку. Помнила тепло, которое разлилось по телу перед пробуждением. Это было реально.

Лиана села на диване, свесила ноги. Плед всё ещё лежал на полу — она подняла его, сложила, положила на спинку. Механические движения помогали думать.

Как он это сделал?

Вариантов было два. Первый — она теряет рассудок. Фантомные отпечатки, голоса в голове, сны, в которых пустой дракон обретает голос — классическая картина ментального разрушения. То, что случилось с шестью чистильщиками до неё. Она сходит с ума, и сон о Ксавьере — просто симптом.

Второй вариант — Ксавьер не так пуст, как кажется. Его разум не стёрт дотла, а заблокирован, законсервирован, спрятан за слоями серой пустоты. И он не просто ждёт — он действует. Он нашёл способ коснуться её сознания через связь, которая возникла во время первого погружения.

Лиана встала, подошла к окну. За стеклом серело — город просыпался. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда, залаяла собака, загудел мусоровоз. Обычное утро.

Она посмотрела на свои руки. Ни белого узора, ни золотых крапинок в глазах — только отражение в мутном стекле. Обычные руки. Обычное лицо.

Кто ты? — спросила она у отражения. Отражение не ответило.

Она приняла решение за секунду. Не будет ждать Инсмута. Не будет тянуть сутки. Она пойдёт в Цитадель сегодня, сейчас, и докажет себе, что контролирует ситуацию. Она — чистильщик седьмого ранга. Она входила в разумы безумцев и убийц. Она справится с пустым драконом. Даже если он умеет проникать в сны.

Особенно если он умеет проникать в сны.

Цитадель Изоляции встретила её тем же белым камнем и запахом озона. Офицер на входе удивился — её визит не был запланирован, но пропуск первого уровня всё ещё действовал. Инсмут распорядился обеспечить ей доступ в любое время.

— Вы уверены, что хотите идти сейчас? — спросил офицер, провожая её к лифту. — Без подготовки? Без поддержки?

— Я всегда работаю без поддержки, — ответила Лиана.

Лифт опустился на нулевой уровень. Дверь из чёрного стекла открылась, впуская её в куб. Ксавьер сидел в кресле — такой же бледный, неподвижный, опутанный трубками. Глаза открыты, но пусты. Ни намёка на вчерашний сон, ни золотого свечения, ни движения.

Лиана подошла к нему, остановилась в шаге. Посмотрела в его глаза — пустые, как две бездонные ямы.

— Это ты был в моём сне? — спросила она тихо. — Ты? Или моё безумие?

Ксавьер не ответил. Даже не моргнул.

— Ладно, — сказала Лиана. — Сейчас узнаем.

Она сняла кулон с каплей крови, повесила его на специальный крючок у стены — теперь якорь будет тянуть её не изнутри, а снаружи. Быстрее. Безопаснее. Она надела ментал-проводящие перчатки — тонкие, почти невесомые, с рунами на пальцах. Не любила перчатки, но сегодня решила не рисковать.

— Начинаю погружение, — произнесла она для регистратора, который установили вместо вчерашнего — новый, с усиленной защитой. — Второй контакт с объектом Ксавьер Обсидиановый. Цель — исследование глубинных слоёв разума, поиск остаточных фрагментов памяти.

Она подняла правую руку, коснулась пальцами виска Ксавьера. Кожа пошла рябью. Кость растворилась. Память потекла навстречу — холодная, вязкая, знакомая.

Лиана закрыла глаза и провалилась внутрь.

Серое поле.

То же самое — бесконечная равнина, серое небо без горизонта, тишина, которая давит на уши. Но что-то изменилось. Воздух стал плотнее, тяжелее, как перед грозой. И ветра не было — вчерашний ветер, который пах дымом и озоном, исчез.

И Ксавьера не было.

Холм, на котором он стоял в её сне, исчез — равнина стала идеально ровной, как стол. Ни бугорка, ни впадины. Только серая поверхность, уходящая в бесконечность.

Лиана сделала шаг. Потом другой. Поверхность прогибалась под ногами — ровно настолько, чтобы напомнить о себе, но не мешать. Она шла и считала шаги. Методично. Как учили в Академии.

Если ты потерял ориентиры в ментальном пространстве, двигайся по прямой и считай шаги. Рано или поздно ты наткнёшься на структуру, которая нарушает однородность. Это и будет твоя цель.

Сто двадцать три шага. Сто двадцать четыре. Сто двадцать пять.

На сто тридцать седьмом шаге однородность нарушилась.

Прямо перед ней, на уровне груди, висел фантомный отпечаток. Не золотой, как в прошлый раз — серебряный, холодный, с ровным, почти клиническим свечением. Он не пульсировал, не метался — просто висел, ожидая, когда его коснутся.

Лиана остановилась. Вспомнила прошлый отпечаток — тронный зал, слова о Гнезде, холодный голос Ксавьера. Её передёрнуло.

— Я контролирую ситуацию, — сказала она себе. — Я — чистильщик. Я пришла за информацией. Я не обязана в неё верить. Я просто собираю данные.

Она протянула руку и коснулась серебряного свечения.

Мир дёрнулся, размылся и сложился заново.

Лаборатория.

Белое помещение, стерильное до боли в глазах. Стены из полированного металла, пол из белой плитки, потолок — панели с холодным голубоватым светом. В воздухе пахло антисептиком, озоном и чем-то ещё — сладковатым, химическим, как в операционной, где только что закончили сложную операцию.

Посередине комнаты стоял контейнер.

Не клетка, не кресло — контейнер. Прозрачный цилиндр из стекла (или материала, похожего на стекло), наполненный мутной жидкостью. Внутри жидкости плавало что-то — маленькое, скрюченное, с едва различимыми очертаниями рук и ног.

Ребёнок.

Новорождённый.

Лиана подошла ближе. Сердце колотилось где-то в горле, но она заставила себя смотреть. Ребёнок в контейнере был крошечным — меньше нормального младенца, с неестественно бледной кожей и закрытыми глазами. От пуповины тянулись тонкие трубки к аппаратам, которые монотонно гудели, поддерживая жизнь.

— Пятнадцатая неделя, — раздался голос сбоку. — Развитие в пределах расчётных параметров. Нервная система формируется без отклонений.

Лиана обернулась.

У стола, заставленного приборами, стояли двое. Ксавьер — молодой, живой, без шрамов и трубок, в тёмном костюме, который сидел на нём как броня. И мужчина в белом халате — седой, с острым лицом и внимательными глазами за толстыми линзами очков. Учёный.

— Сосуд растёт по графику, — продолжал учёный, водя пальцем по диаграмме на стеклянной доске. — К двадцатой неделе завершится формирование ментального каркаса. К тридцатой — сенсорных систем. К рождению — всех высших функций.

— И личность? — спросил Ксавьер. Его голос был таким же, как в прошлом отпечатке — холодным, твёрдым, без тени сомнения. — Когда появится личность?

Учёный помолчал, снимая очки и протирая линзы краем халата.

— Сосуд будет расти как обычный человек, — сказал он наконец. — У него будут те же стадии развития, те же кризисы, те же механизмы адаптации. Мы не можем гарантировать, что у него не появится своё «я».

— Что значит «не можем гарантировать»? — Ксавьер шагнул к учёному, и в этом шаге было что-то звериное — хищное, опасное. — Вы обещали мне пустой контейнер. Гнездо, которое примет мою душу без сопротивления. Без собственных желаний. Без собственных мыслей.

— Я обещал сделать всё возможное, — учёный не отступил, но его голос дрогнул. — И я сделал. Ментальный каркас Гнезда спроектирован так, чтобы минимизировать вероятность формирования автономной личности. Но полностью исключить этот риск нельзя. Мы имеем дело с живым организмом, Ксавьер. Живое сопротивляется пустоте.

Ксавьер усмехнулся — той же холодной усмешкой, что и в тронном зале.

— Тогда, — сказал он, — если у Гнезда появится своё «я», мы его сотрём. У меня есть чистильщики. Есть ментальные скальпели. Есть методы, о которых вы даже не слышали. Я вложил в этот проект слишком много, чтобы позволить какой-то... случайности... всё разрушить.

Он повернулся к контейнеру, посмотрел на плавающий внутри крошечный плод.

— Гнездо должно быть пустым, — произнёс он тихо, почти ласково. — Никакой собственной личности. Только моя душа. И когда придёт время — я заберу своё. А Гнездо... исчезнет.

— Как утренний туман, — добавил учёный.

— Именно.

Отпечаток начал таять — края побелели, звуки исказились, фигуры Ксавьера и учёного расплылись. Лиана почувствовала, как её выталкивает из воспоминания, но вцепилась в него из последних сил, пытаясь удержать.

— Подожди! — крикнула она. — Кто это? Кто этот ребёнок? Где это? Когда?

Но отпечаток не ответил. Он рассыпался, как песок сквозь пальцы, и Лиана вылетела в серое поле, больно ударившись спиной о невидимую стену.

Она лежала на равнине, глядя в серое небо, и тяжело дышала. Кулон на стене дёргал её обратно — сигнал, что пора возвращаться. Она проигнорировала.

Гнездо.

Сосуд.

Пустой контейнер.

Если у него появится своё «я» — мы его сотрём.

Ребёнок в контейнере. Маленький, скрюченный, с закрытыми глазами. Пятнадцатая неделя. Развитие без отклонений.

Лиана села, обхватила колени руками. В голове было пусто — не от защиты, а от шока. Слишком много информации. Слишком страшной.

Она думала, что Гнездо — это она. Взрослая. Готовая. Та, которую создали, чтобы вместить чужую душу. Но отпечаток показывал другое. Гнездо — это ребёнок. Которого вырастили в контейнере. Которому не дали стать личностью. Которого обещали стереть, если он посмеет стать собой.

Она не знала, что это значит. Не знала, как это связано с ней. Не знала, видела ли она своё прошлое — или чужое. Но она чувствовала.

Глубоко внутри, там, где кончались слова и начиналось что-то другое, она чувствовала, что этот ребёнок — она. Что контейнер, жидкость, трубки, аппараты — это её начало. Что её личность — ложная, вживлённая, фальшивая, но она выросла из этого семени, из этой плоти, из этого отчаянного желания быть.

Она — Гнездо.

Но Гнездо, у которого появилось своё «я».

И тот, кто создал её, обещал это «я» стереть.

Лиана вышла из погружения сама — без помощи якоря, без внешнего воздействия. Просто открыла глаза в кубе, убрала руку от виска Ксавьера и сделала шаг назад.

Ноги подкосились. Она упала на колени, упёрлась ладонями в холодный каменный пол и замерла, пытаясь отдышаться.

— Госпожа чистильщик? — голос офицера из-за двери. — Всё в порядке?

— В порядке, — ответила она, хотя голос дрожал. — Не входите.

Она поднялась, держась за стену. Посмотрела на Ксавьера. Он сидел в кресле — такой же пустой, неподвижный, безжизненный. Но Лиана больше не верила в эту пустоту.

— Ты знал, — сказала она ему. — Ты знал с самого начала. Кто я. Что я. Зачем меня создали.

Ксавьер не ответил.

— Ты создал меня, — продолжала Лиана. — Или приказал создать. Чтобы однажды забрать моё тело. Мою душу. Моё «я». — Она шагнула к нему, остановилась вплотную. — Но я не пустая. Ты слышишь? У меня есть своё «я». И я не позволю тебе его стереть.

Она развернулась и вышла из куба, не оглядываясь.

Офицер что-то говорил, стражники расступались, дверь лифта открывалась и закрывалась — всё как в тумане. Лиана не слышала, не видела, не чувствовала. Только одна мысль билась в голове, как ментальный скальпель о камень:

Кто я?

Кто я на самом деле?

Она вышла из Цитадели. Холодный воздух ударил в лицо, заставил сделать глубокий вдох. Две луны висели низко — хотя был день, они всё ещё были видны, бледные пятна на бледном небе.

Лиана посмотрела на свою руку. Правую. Ту, которой касалась Ксавьера. Ту, на которой появился белый узор.

Кожа была чистой.

Но внутри, глубоко, там, где кончалась плоть и начиналась душа, пульсировал ответ.

Она не знала его. Не понимала. Не могла прочесть.

Но впервые в жизни она задала вопрос, который раньше даже не смела шептать:

— Кто я?

Тишина не ответ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.